947
А-66

Изданіе В. И. Яковенко.
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССІИ.

КР47 104

№ 5.

Ник. Андреевъ.

ВѢЧЕВАЯ РУСЬ

или

Вольный городъ Новгородъ Великій.

Съ 15 рисунками и 2 картами.

Цѣна [redacted]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ (влад. А. Э. Коллинсъ), Мал. Дворянская, 19.
1912.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

991817
M V

Оглавленіе.

стр.

I. **Новгородская торговля.** Расположеніе Новгорода. Его военное устройство. Сословія. Иностранная торговля. Торговля съ Суздальскимъ краемъ. Купеческія артели. Новгородскіе пригороды. Ярмарки. Особенности новгородской торговли 5

II. **Экономическая жизнь новгородской области.** Волости и пятины. Скудность почвы, обиліе лѣсовъ и пушного звѣря. Завоеваніе и заселеніе Заволжья. Крупное землевладѣніе. Половники. Закладни. Своеземцы. Малое развитіе внутренней торговли. Деньги. Ремесла. 21

III. **Враги Великаго Новгорода.** Борьба съ суздальскими князьями. Возникновеніе Ливонскаго ордена и захватъ нѣмцами рижскаго побережья. Борьба Новгорода со шведами и нѣмцами. 30

IV. **Управленіе Новгорода и борьба партій.** Вѣче. Посадникъ, тысяцкій и другія власти. Господа. Князь. Политическая сила бояръ. Неравномѣрное распредѣленіе налоговъ. Партійная борьба. Новгородскій архіепископъ. Попытка пріобрѣсти церковную самостоятельность. Партійныя побоища. Побѣда боярской партіи и тяжелое положеніе простого народа. 38

V. **Паденіе Новгородской вольности.** Новгородъ и Тверь. Новгородъ и Москва. Приглашеніе литовскаго князя. Походы Ивана III на Новгородъ и уничтоженіе его свободы 51

VI. **Новгородскія ереси.** Невѣжество новгородскаго духовенства. Зарожденіе въ Новгородѣ свободомыслія. Причины этого. Ересь стригольниковъ. Ересь жидовствующихъ. 58

VII. **Сказанія и былины Новгородскія.** Былина о Садкѣ. Былина о Василіи Буслаевѣ. Повѣсть о посадникѣ Щилѣ. 64

При составленіи этой книги авторъ пользовался, между прочимъ, слѣдующими пособіями:

Н. И. Костомаровъ. Сѣверно-русскія народоправства. 1 и 2 т.

А. И. Никитскій. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода.

В. О. Ключевскій. Курсъ русской исторіи.

— Боярская дума въ древней Руси.

Н. А. Рожковъ. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Часть II, вып. I.

— Городъ и деревня въ русской исторіи.

— Политическія партіи въ Новгородѣ. Журн. М. Н. Просв. 1901, апр.

А. Ефименко. Изслѣдованія народной жизни. Томъ I, ст. „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ“.

Голубинскій. Исторія русской церкви. Т. II.

I.

Новгородская торговля.

Тихъ и скроменъ теперь губернскій городъ Новгородъ.

Размѣрами онъ не великъ, ведетъ небольшую торговлю и мало чѣмъ отличается отъ большинства другихъ губернскихъ городовъ Россіи. Не такимъ былъ онъ въ древности, лѣтъ 500 — 700 тому назадъ. Тогда шла о немъ слава по всей Руси и даже иностранцы знали его больше и лучше, чѣмъ другіе русскіе города. Это былъ *державный* городъ, который жилъ «по всей своей волѣ», не признавая надъ собой никакой высшей власти и самъ повелѣвая обширной областью, тянувшейся отъ Финскаго залива до Уральскихъ горъ и отъ Волги до Бѣлаго моря. Новгородъ былъ *вольнымъ* городомъ, и гордые своей свободой новгородцы величали его «Господиномъ Великимъ Новгородомъ». Давно уже Новгородъ потерялъ свою свободу, давно угасла его слава, и лишь немногіе памятники старины слабо напоминаютъ намъ о дняхъ его былого величія.

Чѣмъ же былъ такъ славенъ Великій Новгородъ? На чемъ держались его вольности? Почему и какъ они исчезли? Вотъ вопросы, которые возникаютъ, когда мы смотримъ на древнія стѣны собора св. Софіи, на остатки

его древнихъ башенъ и стѣнъ, вспоминаемъ его прежнюю славу и видимъ его теперешній убогій видъ.

Древній Новгородъ, какъ и въ настоящее время, былъ расположенъ по обоимъ берегамъ р. Волхова, недалеко отъ истока его изъ оз. Ильменя. Вотъ какими словами описываетъ этотъ городъ фламандскій рыцарь Жильбертъ

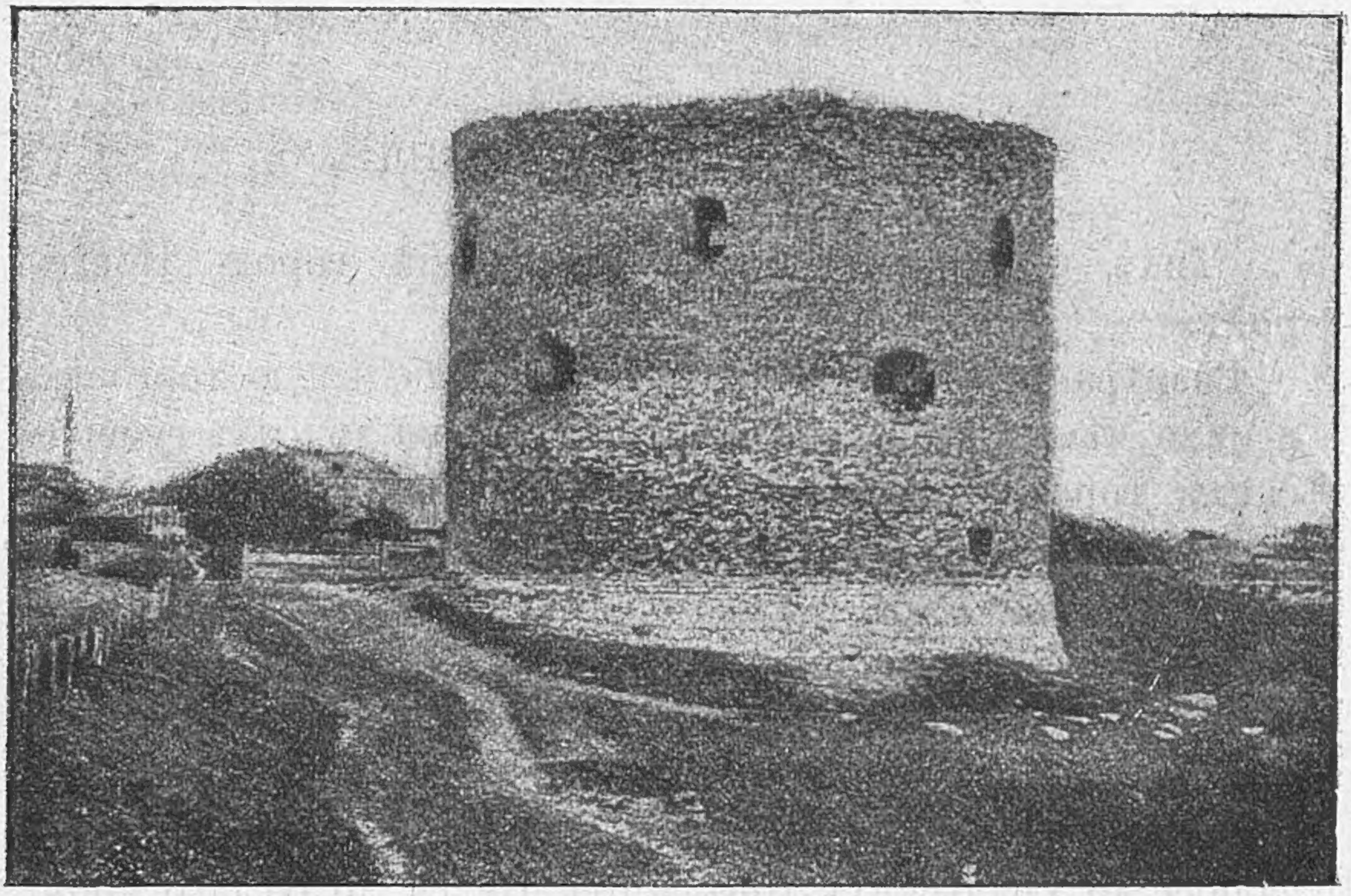


Рис. 1. Бѣлая башня въ Новгородѣ.

де Ланнуà, пробывшій 9 дней въ Новгородѣ въ ноябрѣ 1413 г.: «Великій Новгородъ удивительно большой городъ, расположенный на красивой равнинѣ, окруженный большими лѣсами, а лежитъ онъ въ низменной мѣстности, пересѣкаемой рѣчками и болотами, а по среди города протекаетъ очень широкая рѣка, называемая Волховомъ. Но городъ защищенъ плохими стѣнами, сдѣланными изъ плетня и земли, хотя башни и каменныя... Имѣютъ за-

мокъ, расположенный надъ упомянутой рѣкой, и въ замкѣ находится главный храмъ св. Софіи, которую почитаютъ». Рѣка дѣлила городъ на двѣ части, изъ которыхъ одна носила названіе Софійской (лѣвый берегъ), другая—Торговой стороны (правый берегъ). На торговой сторонѣ происходилъ торгъ; Софійская—получила свое названіе отъ собора св. Софіи, построеннаго въ половинѣ 11 столѣтія по образцу собора св. Софіи въ Кіевѣ. На торговой сторонѣ, на обширной площади, называвшейся Ярославовымъ дворомъ (здѣсь стоялъ дворецъ князя Ярослава, когда онъ княжилъ въ Новгородѣ), собирались новгородцы на вѣче. Соборъ св. Софіи стоялъ въ крѣпости, называвшейся дѣтинцемъ. Эту крѣпость Ланнуа и называетъ замкомъ. Отсюда шелъ большой каменный мостъ на Торговую сторону. Весь городъ дѣлился на пять частей, или «концовъ»: два на Торговой (Плотницкій и Словенскій) и три на Софійской сторонѣ (Наревскій, Загородскій и Гончарскій или Людинъ). Кругомъ шелъ крѣпкій земляной валъ съ башнями и глубокимъ рвомъ. За городской стѣной широко вокругъ раскинулись посады, монастыри, монастырскія деревни.

Подобно Кіеву и другимъ древне-русскимъ городамъ Новгородъ имѣлъ изстари военное устройство. Во главѣ его вооруженныхъ силъ стоялъ *тысяцкій*, весь городъ составлялъ тысячу и дѣлился на сотни, съ *сотскими* во главѣ. Двѣ сотни составляли конецъ съ *кончанскимъ* старостой во главѣ; конецъ дѣлился на улицы, во главѣ которыхъ находились *улицкіе* или *уличанскіе* старосты. Въ минуту опасности всѣ эти лица, выбранныя народомъ, принимали начальство надъ новгородскимъ войскомъ и его частями. Въ мирное время они заботились о порядкѣ, благоустройствѣ и судопроизводствѣ въ городѣ и его частяхъ.

Софійская часть была населена преимущественно ре-

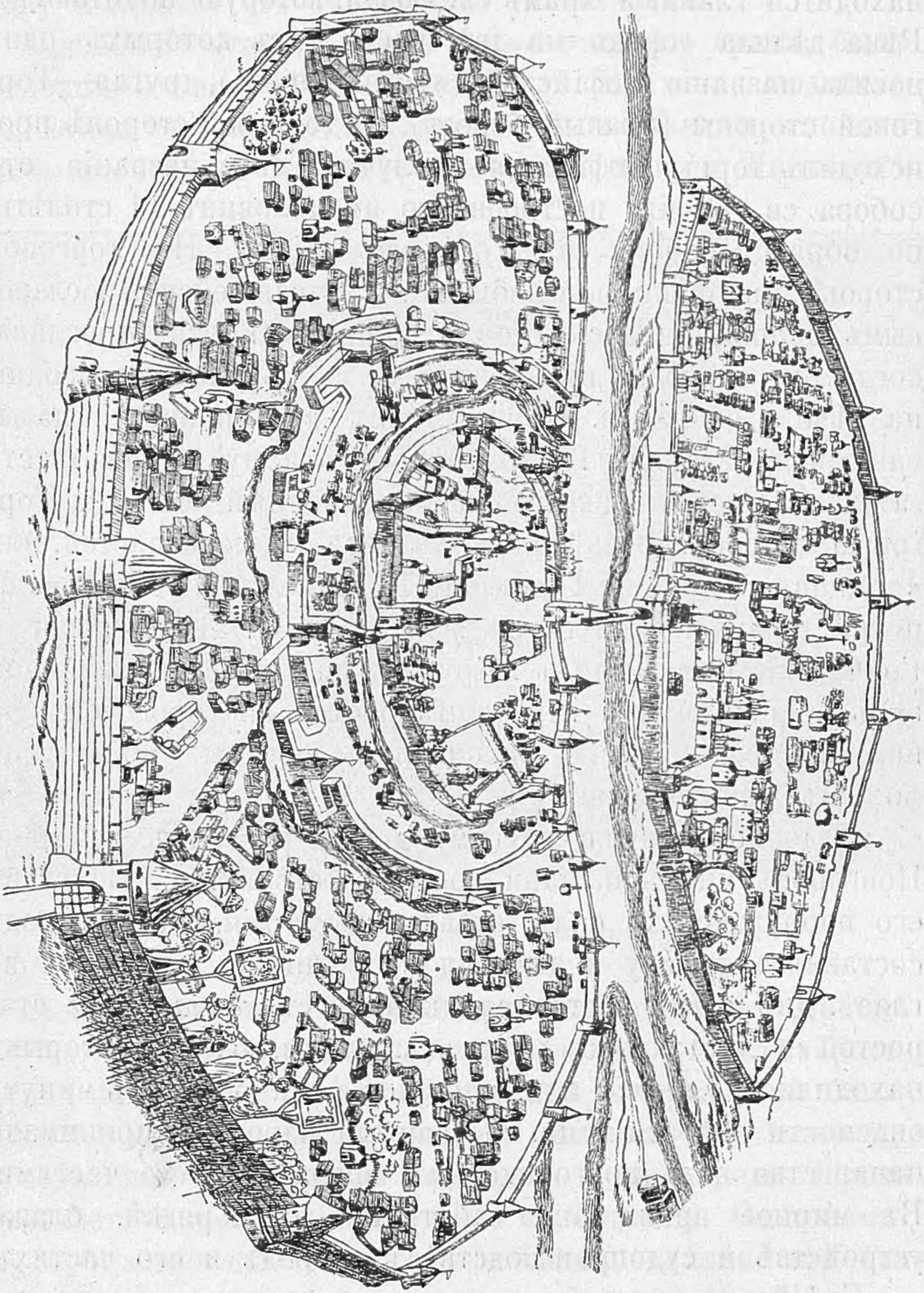


Рис. 2. Планъ Великаго Новгорода (сдѣланъ въ 16 вѣкѣ).

месленниками, чернорабочими и другимъ мелкимъ людомъ; богатые и знатные люди селились главнымъ образомъ на Торговой сторонѣ. Самыми вліятельными людьми

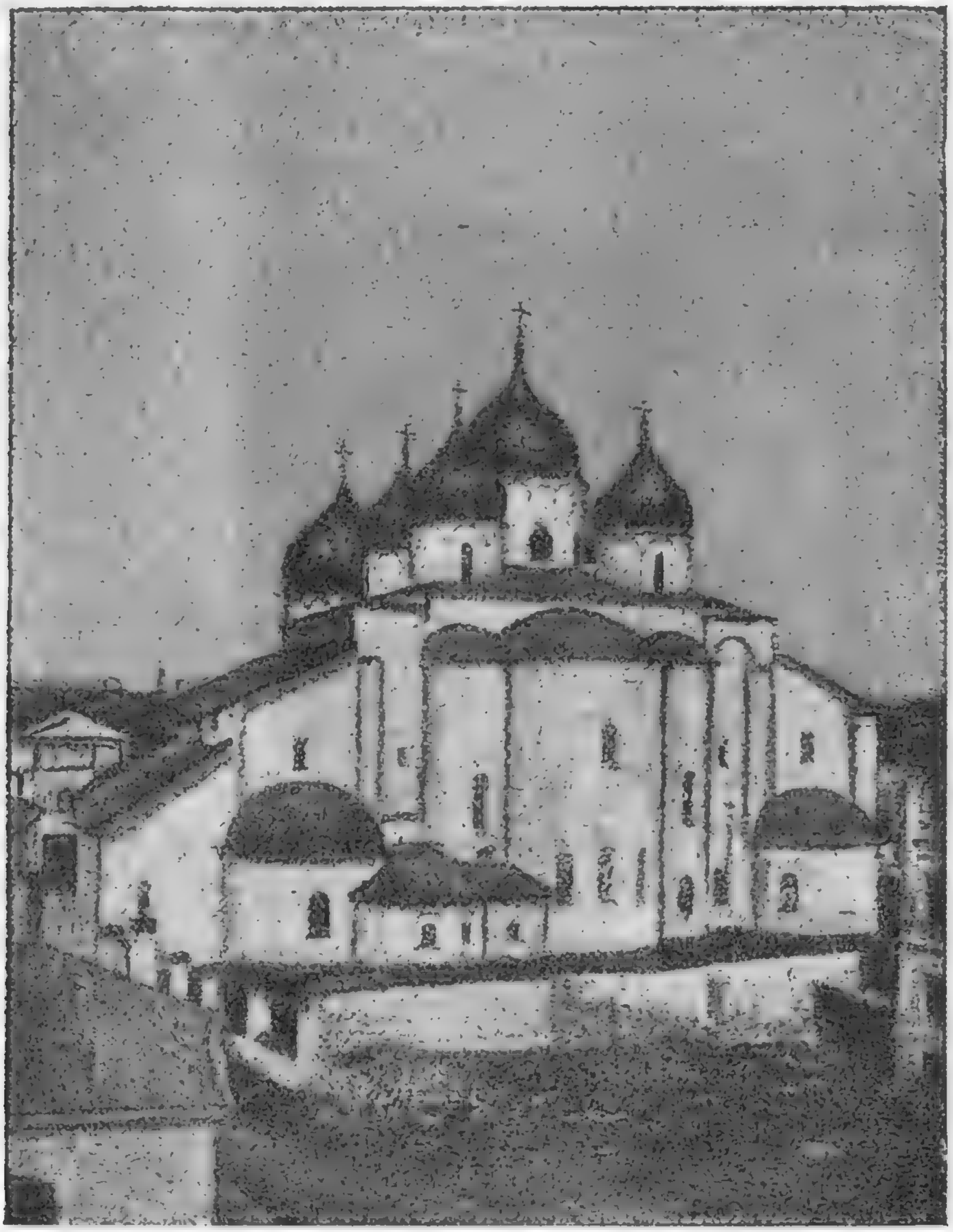


Рис. 3. Соборъ св. Софіи въ Новгородѣ.

въ Новгородѣ были *бояре*. Они владѣли обширными земельными участками въ Новгородской области и имѣли огромные денежные капиталы. Имъ принадлежали самые красивые и обширные дома въ городѣ. Другое сословіе это

купцы, которые дѣлились на *житыихъ людей* и просто купцовъ; житьи люди—это наиболѣе богатые и родовитые купцы. Купцовъ было очень много въ Новгородѣ, такъ какъ городъ велъ весьма обширную по тому времени торговлю. Все остальное населеніе города называлось *черными*

Рис. 4. Церковь Спаса въ Нередицахъ близъ Новгорода (построена въ 1198 г.).

людьми; здѣсь были и ремесленники, и крестьяне, и всѣ вообще свободные люди, добывавшіе себѣ пропитаніе мелкой торговлей, ремесломъ, земледѣліемъ, охотой или работой на другихъ.

Среди многотысячнаго населенія Новгорода купцы не даромъ занимали очень видное положеніе. Они вели об-

ширную торговлю съ иностранцами и съ ростово-суздальскимъ краемъ. Торговля съ иностранцами началась еще съ 11 и даже 10 вѣкѣ, въ то время, когда варяги начали свои походы по Волхову, Днѣпру и Черному морю въ Царьградъ. Новгородъ возникъ какъ разъ на сѣверномъ концѣ пути «изъ Варягъ въ Греки», но

Рис. 5. Церковь Ѳедора Стратилата на Торговой сторонѣ въ Новгородѣ.

пока процвѣталъ Кіевъ, онъ не выдавался еще особенно среди другихъ торговыхъ городовъ Руси. И только въ концѣ 12 и началѣ 13 вѣка, когда Кіевъ бѣднѣлъ и разорялся все сильнѣе и сильнѣе, стала расти и шириться торговля Новгорода.

Южныя и юго-восточныя области Руси были опустошены татарами, и тамъ надолго замерла торговая и промышленная жизнь, но Новгорода татарскіе набѣги не коснулись. Въ то же время 12 — 13 вв.) въ западной Европѣ возникъ обширный союзъ нѣмецкихъ торговыхъ городовъ, носившій названіе Ганзы, или ганзейскаго союза. А раньше того новгородцы торговали со шведами и датчанами, потомками древнихъ варяговъ. Въ 11 и 12 вв. новгородцы ѣздили въ городъ Висби на о. Готландѣ, а готскіе купцы имѣли въ Новгородѣ даже свой постоянный дворъ и церковь. Во дворѣ находились жилища пріѣзжихъ купцовъ-иностранцевъ и товарные склады. Черезъ готскихъ купцовъ новгородцы познакомились и съ нѣмцами, которые уже въ 12 вѣкѣ тоже выстроили въ Новгородѣ свой дворъ. Но только въ половинѣ 13 в., когда ганзейскій союзъ окрѣпъ, торговля съ нѣмцами становится особенно оживленной. Во главѣ ганзейскаго союза сталъ городъ Любекъ, который держалъ не только торговый, но и военный флотъ для защиты интересовъ союза. Островъ Готландъ сдѣлался подвластнымъ союзу, и скоро нѣмецкіе купцы забрали въ свои руки всю торговлю Новгорода съ Европой.

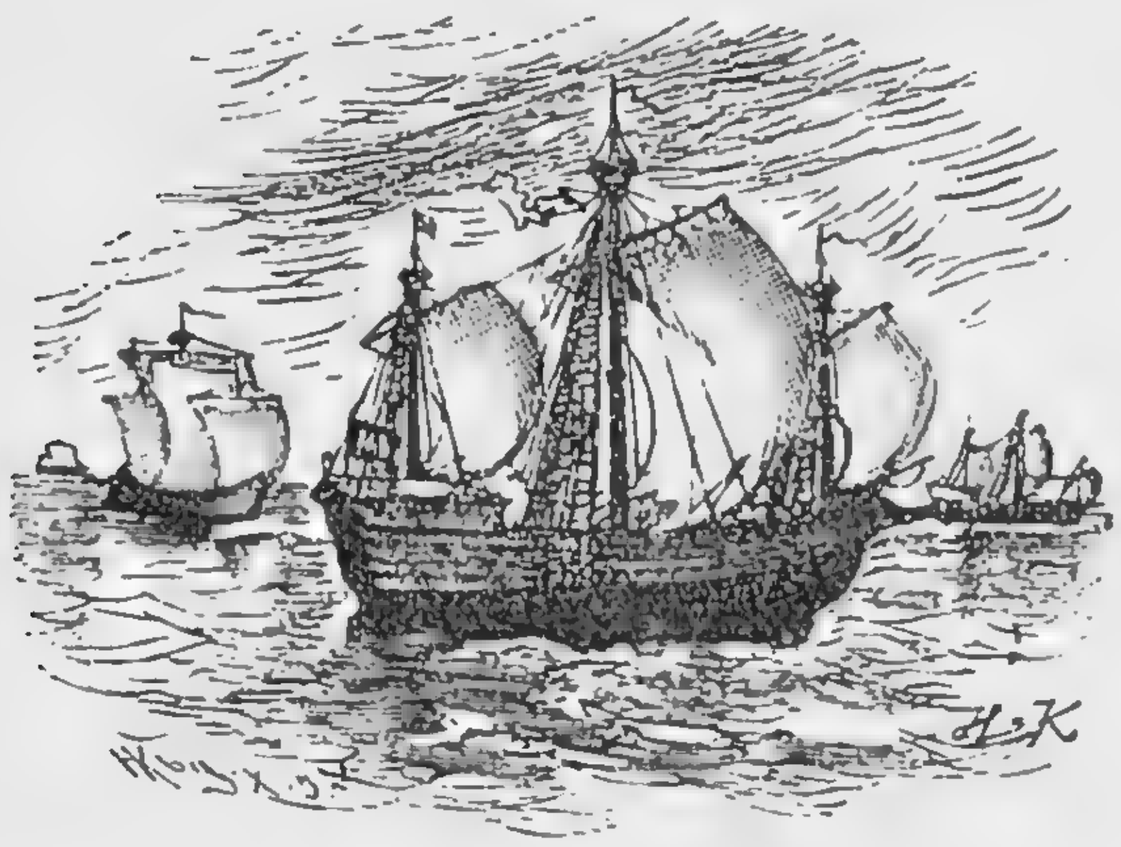


Рис. 6. Ганзейское торговое судно.

Сухимъ путемъ, обыкновенно зимою, новгородскіе купцы пробирались въ Нарву, Дерптъ, Ревель и Ригу, нѣмецкіе города, лежавшіе къ западу отъ Новгорода. Въ Данцигъ, въ Любекъ и на островъ Готландъ они ѣздили по

морю, иногда на своихъ, а больше на нѣмецкихъ кораблях. Бывали купцы Великаго Новгорода и въ шведскихъ городахъ Стокгольмѣ, Або и Выборгѣ. Но не особенно часто предпринимали новгородцы морскія путешествія; къ тому же нѣмецкіе товары можно было купить и въ самомъ Новгородѣ, куда ежегодно пріѣзжало много нѣмецкихъ купцовъ.

Народы Западной Европы и въ то время были гораздо образованнѣе русскихъ, и промышленность у нихъ стояла выше. Нѣмцы привозили въ Новгородъ заграничныя сукна и полотна (англійскія, фламандскія и нѣмецкія), оружіе, металлическія издѣлія, краски, южныя вина и фрукты, конфекты; кромѣ того, новгородцы покупали у нѣмцевъ соль, желѣзо, свинецъ, мѣдь, олово, серебро и золото, хлѣбъ, въ которомъ они часто нуждались. А нѣмцы покупали въ Новгородѣ главнымъ образомъ сырье и мѣха: кожи, ленъ, коноплю, свиное сало, ворвань, воскъ, медъ, шерсть, щетину, соболи, бобровыя, куньи, хорьковыя, лисьи, горностаевыя, волчьи, медвѣжьи шкуры.

Въ тѣ времена торговля была очень нелегкимъ и опаснымъ дѣломъ. Правильно устроенныхъ дорогъ не существовало вовсе. Въ пути купца могли ограбить и убить разбойники, шайки которыхъ бродили между селеніями и ѣздили по морямъ. Сами князья и другія владѣтельныя лица не брезгали при случаѣ разбоемъ и не хуже дорожныхъ разбойниковъ обирали купцовъ. Понятно, поэтому, что купцы не рѣшались ѣхать въ дальній путь въ одиночку; они отправлялись въ дорогу цѣлыми партіями, вооруженные съ ногъ до головы. Купецъ долженъ былъ быть не только хорошимъ торговцемъ, но и лихимъ воиномъ.

Такъ было и у насъ, на Руси, и за границей. Нѣмецкіе и готскіе купцы пріѣзжали въ Новгородъ большими

партіями на своихъ корабляхъ. Ѣхали они по Балтійскому морю и Финскому заливу до острова Котлина, который былъ границей Новгородской земли. Отсюда нѣмцы посылали передовыхъ до устья Невы, и вѣсть о прибытіи иностранныхъ гостей быстро доходила до Новгорода. Новгородцы отряжали пристава и нѣсколькихъ купцовъ для встрѣчи нѣмецкихъ гостей, которыхъ они и провожали до самаго Новгорода. До Ладоги (у устья Волхова) иноземцы ѣхали на своихъ судахъ, руководимые мѣстными лоцманами. Но по Волхову на морскихъ корабляхъ ѣхать уже нельзя было; товары перегружались на мелкія рѣчныя суда, и другая партія лоцмановъ проводила ихъ до Новгорода черезъ волховскіе пороги. Новгородцы брали на себя охрану и ручались за ихъ безопасность только въ томъ случаѣ, если гости давали знать о своемъ прибытіи. Невдалекѣ отъ Новгорода суда останавливались; новгородскіе служилые люди осматривали товары и облагали ихъ небольшой пошлиной. Съ пристани товаръ на извощикахъ довозился до Готскаго или Нѣмецкаго двора, смотря потому, куда онъ направлялся. Чтобы не было пререканій съ извощиками, была установлена точная плата за доставку товара съ пристани на оба двора.

Нѣмецкіе купцы хранили свои товары въ особыхъ помѣщеніяхъ на своемъ дворѣ, даже подвалы нѣмецкой церкви были завалены товаромъ. Огороженные высокой стѣной, съ часовыми у воротъ, нѣмцы жили на своемъ дворѣ совершенно обособлено отъ новгородцевъ. На основаніи договоровъ, новгородскія власти не вмѣшивались въ ихъ взаимныя отношенія. Всѣми дѣлами нѣмецкихъ купцовъ завѣдывалъ выбранный ими старшина, *ольдерменъ*; ольдермены же были и судьями надъ нѣмцами, и безъ ихъ разрѣшенія ни одинъ чиновникъ новгородскій не имѣлъ права войти въ нѣмецкій дворъ. Торговали

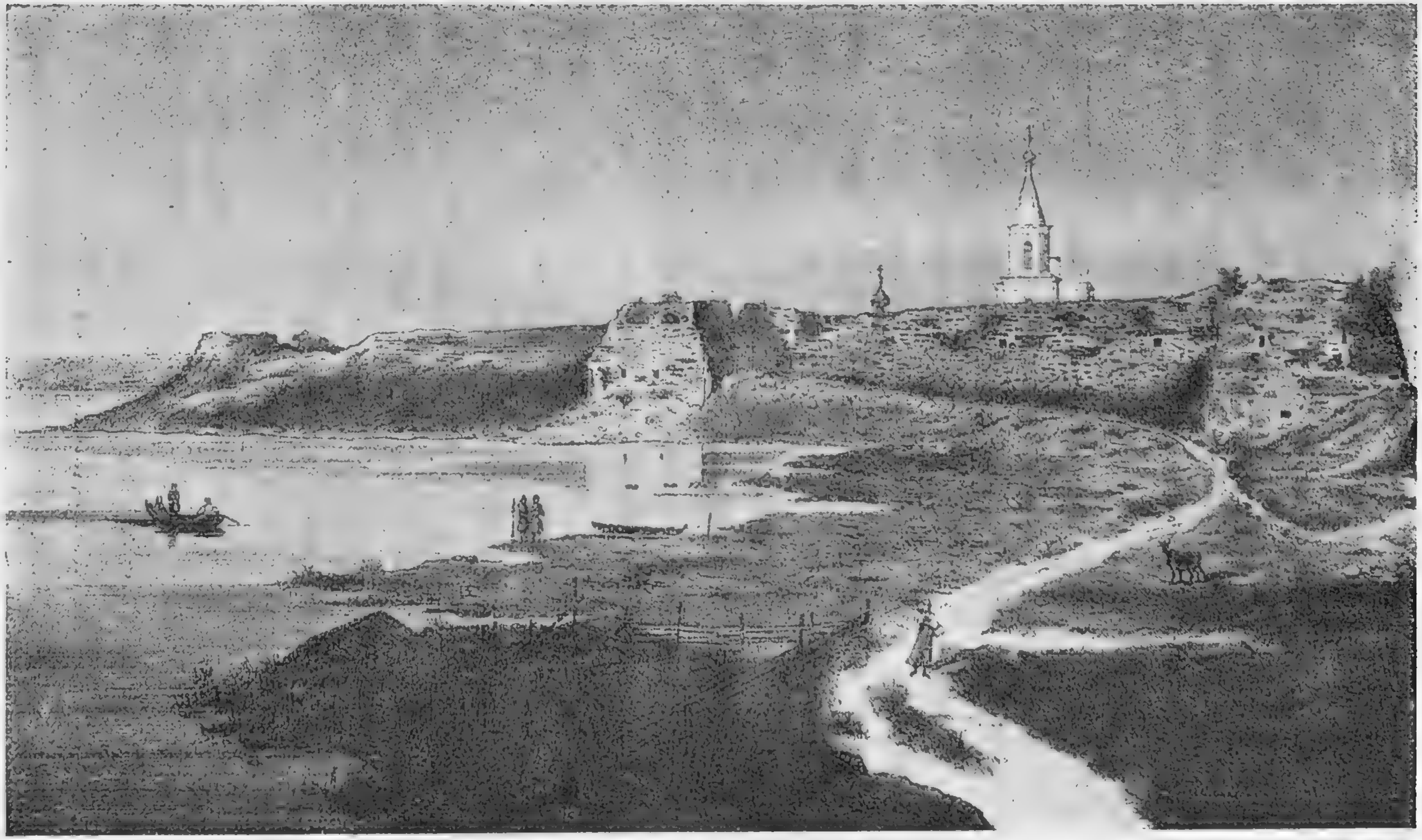


Рис. 7. Старо-Ладожская Рюриковская крѣпость.

нѣмцы не въ одиночку, не каждый въ отдѣльности на свой страхъ и рискъ, а всѣмъ дворомъ. Совѣтъ нѣмецкой компаніи точно устанавливалъ, что именно и по какой цѣнѣ надо купить у новгородцевъ и сколько каждый купецъ въ отдѣльности получаетъ на свою долю. Точно также устанавливалась цѣна и продаваемыхъ товаровъ. Такъ какъ нѣмцы захватили въ свои руки всю торговлю по Балтійскому морю, то они брали съ новгородцевъ очень высокую цѣну за свои и давали очень низкую цѣну за русскіе товары. И Новгородцы волей неволей должны были подчиняться такому порядку. Нерѣдко за очень дорогую цѣну они получали невозможную дрянь. Но въ свою очередь и они старались всучить иностранцамъ гнилое и содрать съ нихъ хорошія деньги. Нѣмцы часто жаловались на то, что новгородцы подмѣшиваютъ въ воскъ сало, смолу, песокъ и даже камни, продавали поддѣльные мѣха, красили ихъ, обрѣзывали шкурки и тому подобное. Много проявлялось тогда съ обѣихъ сторонъ смѣтливости, ловкости, осторожности и опытности, чтобы не дать себя въ обиду при покупкѣ чужихъ и продажѣ своихъ товаровъ.

Кромѣ морского пути, нѣмцы привозили свои товары въ Новгородъ и сухимъ путемъ черезъ Псковъ и Нарву; это былъ преимущественно зимній, санный путь. Другими дорогами возить товары въ Новгородъ запрещалось. Точно также установлено было и время пріѣзда нѣмцевъ въ Новгородъ,—они имѣли право пріѣзжать сюда только два раза въ году: въ началѣ лѣта (лѣтніе гости) и въ началѣ зимы (зимніе гости). Первые уѣзжали обратно въ концѣ осени, вторые—весной. Постоянно нѣмцы въ Новгородѣ не жили.

Не только для себя, не только для новгородскаго населенія закупали новгородскіе гости (купцы) иноземные

товары. Они сбывали эти товары также и въ Суздальской землѣ, или въ Поволожьѣ. По притокамъ Ильменя, по Волгѣ и Окѣ и по многочисленнымъ рѣкамъ, впадающимъ въ нихъ, пробирались новгородскіе купцы въ самую глубь Суздальской Руси, въ Ростовъ, въ Муромъ, во Владиміръ, въ Рязань, въ Тверь и другіе города.

Новгородцы входили съ суздальскими князьями въ соглашеніе о томъ, чтобы тѣ не брали съ нихъ высокихъ пошлинъ, чтобы не давали ихъ въ обиду своимъ людямъ и не обижали ихъ сами. Не всегда, конечно, князья исполняли свои обѣщанія. Нерѣдко бывало, что въ случаѣ неладовъ съ Новгородомъ новгородскіе купцы, бывшіе въ то время въ Суздальской землѣ, забирались въ плѣнъ и теряли все, что имѣли. Конечно торговля сильно страдала отъ того, что купцы никогда не имѣли полной увѣренности въ своей безопасности. Въ обмѣнъ на иноземные товары новгородцы доставали въ Поволожьѣ разное сырье и хлѣбъ. Сырье они сбывали за границу, а хлѣбъ продавали въ Новгородѣ, который всегда въ немъ сильно нуждался.

Подобно нѣмцамъ, новгородскіе купцы совершали свои торговыя поѣздки артелями, а не въ одиночку. Совмѣстныя поѣздки положили начало купеческимъ товариществамъ, или артелямъ. Такихъ артелей въ Новгородѣ было много. Купцы, ѣздившіе въ Висби и нѣмецкіе города по Балтійскому морю, составляли артель *поморскихъ* купцовъ. Купцы, торговавшіе съ суздальскимъ краемъ, который называли въ Новгородѣ Низовой землей, были членами артели *низовскихъ* купцовъ. Существовала артель купцовъ-прасоловъ, торговцевъ скотомъ и продуктами скотоводства; извѣстны артели побережская, лубяницкая, данславская, гудинцевская. Наиболѣе богатой и вліятельной артелью было товарищество купцовъ, соединившихся

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

около церкви Ивана Великаго на Опокахъ. Опоки — это мѣстность около Ярославова двора. Только очень богатые купцы вступали въ «Иванову сотню», какъ именовалась эта артель. Для этого необходимо было внести 50 гривенъ (5000 руб. на наши деньги) въ казну артели и пожертвовать въ пользу церкви $29^1/_2$ гривенъ (около 3000 рубл.). Купецъ, сдѣлавшій такіе вклады, получалъ званіе «пошлаго», т. е. настоящаго, почтеннаго, именитаго купца и оставлялъ это званіе въ своемъ потомствѣ. Артель помогала купцу въ затруднительныхъ случаяхъ, а «пошлые» купцы во время своихъ торговыхъ поѣздокъ получали отъ города военный отрядъ для охраны.

Церковь Ивана Великаго на Опокахъ стояла на самомъ бойкомъ мѣстѣ въ Новгородѣ. Здѣсь находился гостинный дворъ, гдѣ всѣ купцы безъ различія могли складывать свои товары. Купцы же «Ивановой сотни», кромѣ того, наполняли своими товарами подвалы церкви, а казну свою хранили въ самой церкви. Тутъ же былъ и рынокъ, гдѣ торговали съѣстными припасами и разной мелочью. Около церкви помѣщались и вѣсы, на которыхъ вѣшали товары; при вѣсахъ стояли особые выборные надсмотрщики, наблюдавшіе за правильностью вѣса и взимавшіе за взвѣшиваніе особую пошлину съ покупателя. А рядомъ стояли маленькіе вѣсы для взвѣшиванія слитковъ золота и серебра, которыми платили вмѣсто чеканеныхъ денегъ. При церкви Ивана Великаго собирался и торговый судъ для разбора разныхъ ссоръ и несогласій между купцами.

Новгородъ былъ самымъ значительнымъ городомъ во всей Новгородской области. Въ 1545 г., когда его торговля уже упала, въ немъ насчитывалось около 25 тысячъ населенія. Въ 13 и 14 вв. оно было, вѣроятно, вдвое больше. По тому времени такой городъ считался

огромнымъ. По своимъ размѣрамъ къ Новгороду приближался Псковъ, который сначала считался пригородомъ Великаго Новгорода, а затѣмъ отдѣлился отъ него и сталъ такимъ же вольнымъ городомъ, какъ и его «старшій братъ» [1]). Наиболѣе значительными пригородами Великаго Новгорода были Руса и Торжокъ. Въ этихъ трехъ городахъ и сосредоточивалась вся торговля Новгородской области. Что же касается другихъ пригородовъ, то это были очень незначительныя селенія, которыя даже и городами-то считать трудно. Въ одномъ изъ крупныхъ Новгородскихъ пригородовъ — Корелѣ — въ въ 1500 г. насчитывалось 267 дворовъ и около 1500 человѣкъ жителей; въ томъ же году въ Ямѣ было около 1200, въ Ладогѣ—600 человѣкъ. Кромѣ этихъ пригородовъ въ Новгородской области находились еще: Ржевъ, Великія Луки, Бѣжичи, Копорье, Орѣшекъ, Демань, Курскъ, Холмъ и Высокій. Пригороды возникали либо какъ укрѣпленія къ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существовала опасность отъ вторженія непріятелей въ страну, либо какъ торговыя мѣста на судоходной рѣкѣ или озерѣ. Такъ Ладога лежала при впаденіи Волхова въ Ладожское озеро, Орѣшекъ—у истоковъ Невы, Яма—по Лужскому (по р. Лугѣ) торговому пути и т. д.

Торговля во всѣхъ этихъ городахъ происходила главнымъ образомъ во время ярмарокъ. Ярмарки устраивались такъ, что купцы въ теченіе цѣлаго года могли переѣзжать изъ одной мѣстности въ другую. «На всѣхъ этихъ торгахъ толпились купцы не только новгородскіе и новгородскихъ пригородовъ и волостей, новоторжцы, ржевичи, бѣжичане, шелонцы, вожане, деревцы, но и другихъ земель: псковичи, москвичи, рязанцы, тверичане,

---

[1]) Его называли «младшимъ братомъ» Великаго Новгорода.

бѣлозерцы, торопчане, смольняне и литвины. Торжища собирались близъ разныхъ монастырей, на ихъ храмовые праздники, поѣздки туда совершались вмѣстѣ и для торговли и для богомолья. Всѣ эти торжки были въ тѣ времена сборнымъ мѣстомъ сношеній; туда пріѣзжали не только закупщики товаровъ и продавцы, но и хозяева для закупки домашняго обихода. Эти торжки были и мѣстомъ развлеченія,—тутъ заводились корчмы съ пьяными напитками и веселыми женщинами, тамъ скоморохи потѣшали народъ зрѣлищами» (Костомаровъ).

Такова была торговля Великаго Новгорода. По нашимъ временамъ она не считалась бы особенно обширной и оживленной. Кромѣ того, она была обставлена строгими и сложными правилами и велась, какъ видимъ, совсѣмъ инымъ способомъ, чѣмъ ведется торговля въ наши дни. И еще одной особенностью отличалась новгородская торговля: она была *передаточной*, посреднической. Въ самомъ дѣлѣ, новгородскіе купцы занимались, главнымъ образомъ, тѣмъ, что иноземные товары сбывали на Руси, а русское сырье продавали иностранцамъ. Новгородъ былъ какъ бы передаточнымъ пунктомъ (мѣстомъ), посредникомъ между чужеземцами и Русью. Собственной промышленности, разсчитанной на сбытъ, въ Новгородѣ не было.

Торговля обогащала лишь купцовъ, да бояръ, которые пускали свои капиталы въ оборотъ. Чѣмъ же и какъ промышляло остальное населеніе Новгорода и Новгородской области? Торговля была дѣломъ меньшинства; чѣмъ же жило огромное большинство народа?

II.

Экономическая [1]) жизнь Новгородской области.

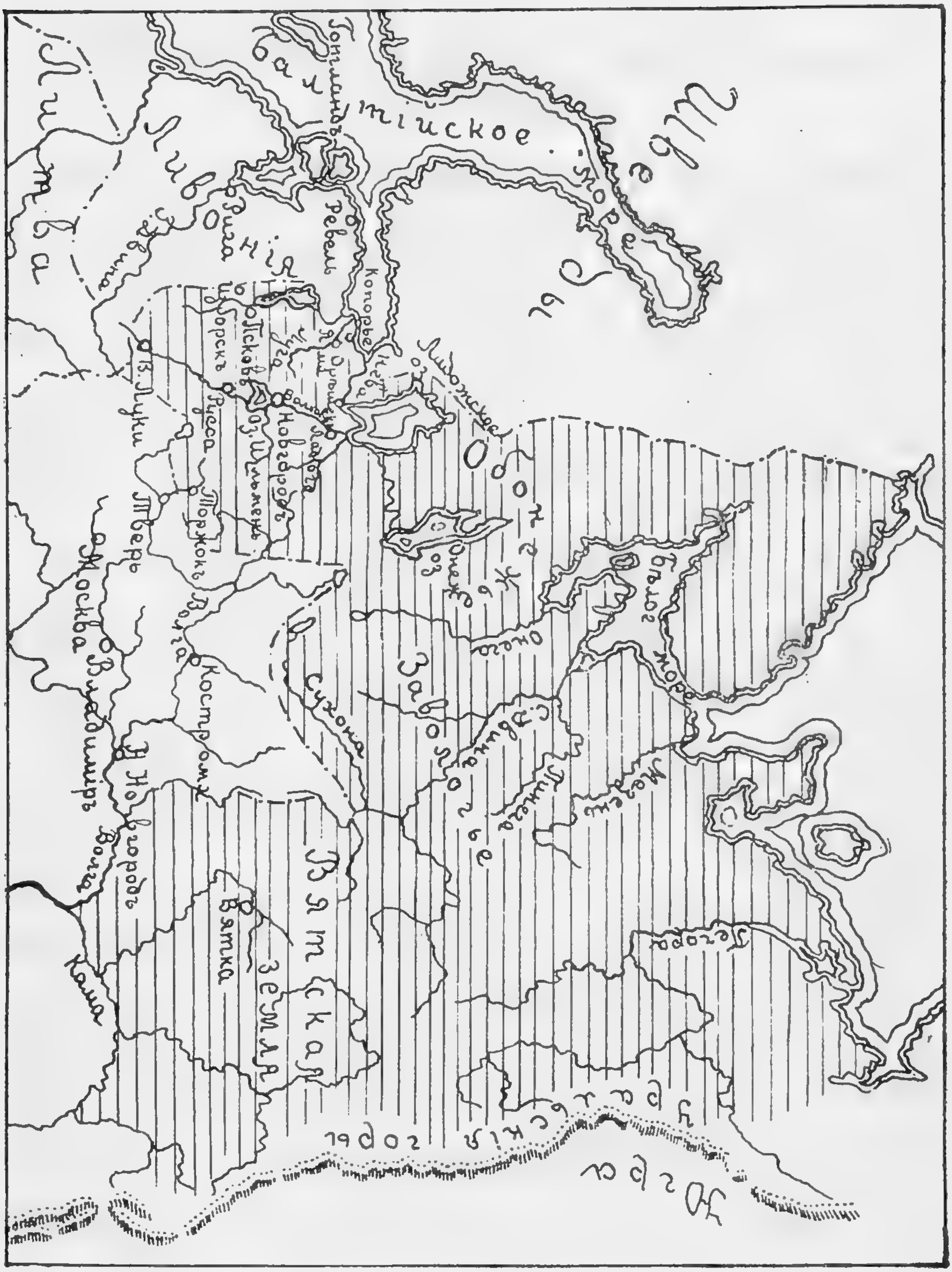
Обширная новгородская земля дѣлилась на «пятины» и «волости». Мы уже знаемъ, что въ Новгородѣ было пять концовъ; пятиной называлась область, приписанная къ одному изъ этихъ концовъ. Къ сѣверу-западу отъ Новгорода до финскаго залива и рѣки Луги тянулась *Вотская* пятина (по имени обитавшаго тамъ финскаго племени Вотъ); на сѣверо-востокъ, по обѣимъ сторонамъ Онежскаго озера расположилась *Обонежская* пятина, или *Обонежье*; на юго-востокъ между рѣками Мстою и Ловатью шла пятина *Деревская*; къ югу-западу между рѣками Лугой и Ловатью по р. Шелони тянулась *Шелонь-ская* пятина; между Обонежской и Деревской лежала *Бѣжецкая* пятина. Болѣе отдаленныя отъ Новгорода земли носили названіе волостей. По р. Сѣверной Двинѣ шла Двинская волость, или Заволочье, далѣе Пермская и волость Печоры, за Ураломъ лежала Югорская земля или волость Югры.

Огромные дремучіе лѣса покрывали большую часть новгородскихъ пятинъ и областей. Хорошей, годной для земледѣлія земли было мало; только къ юго-западу и югу отъ Новгорода можно было заниматься обработкой земли съ нѣкоторымъ успѣхомъ. За то этотъ суровый и холодный край съ болотистой почвой, покрытый дремучими лѣсами, изобиловалъ неизмѣримымъ множествомъ всякаго пушного звѣря. Недаромъ главной статьей Новгородской торговли съ нѣмцами были мѣха. Звѣрей въ лѣсахъ во-

---

[1]) Т. е. хозяйственная.

дилось такъ много, что въ народѣ ходили на этотъ счетъ



Карта 1. Новгородскія области.

всякіе фантастическіе разсказы (небылицы). Такъ гово-

рили, что на востокъ отъ Югры есть полуночныя страны, въ которыхъ звѣри валятся изъ тучъ. Находитъ одна туча и изъ нея во множествѣ падаютъ на землю молодыя виверицы, бѣлки и, выросши, распространяются по окрестностямъ. Собирается другая туча, и по землѣ разбѣгаются олени, выпавшіе изъ облаковъ. Чѣмъ дальше на востокъ и сѣверо-востокъ отъ Новгорода, тѣмъ дремучѣе шли лѣса, тѣмъ больше водилось въ нихъ пушного звѣря.

Еще до прихода славянъ въ Новгородской странѣ жили разныя финскія племена, кототорыя получили отъ славянъ одно общее названіе чуди. Ильменскіе славяне, основавшіе Новгородъ, силой оттѣснили Чудь отъ озера и постепенно захватывали въ свое владѣніе одну мѣстность за другой, дѣлая финновъ данниками Великаго Новгорода. Съ развитіемъ торговли увеличивалась и потребность въ мѣхахъ; поэтому все дальше и дальше на востокъ проникали новгородцы. Бояре и купцы—вотъ кто первые проникли въ Заволочье. Уже въ 11 и 12 вв. сбираютъ новгородцы здѣсь дань.

Предпріимчивыя ватаги смѣльчаковъ-купцовъ, вооружившись съ ногъ до головы и захвативъ съ собой всякихъ иноземныхъ товаровъ, пускались въ далекій путь. И чѣмъ дальше на востокъ они подвигались, тѣмъ больше получали собольихъ, куничьихъ, горностаевыхъ и другихъ дорогихъ мѣховъ въ обмѣнъ на свои товары. Возвратившись домой изъ своего прибыльнаго путешествія, купцы своими разсказами возбуждали и въ другихъ желаніе быстрой и легкой наживы. Какой-нибудь богатый бояринъ или купецъ собиралъ толпу молодыхъ людей, жадныхъ до новыхъ странъ и богатства, и, вооруживъ, посылалъ ее на добычу. Дружина шла по проложеннымъ слѣдамъ, и инородческія селенія, встрѣчавшіяся на пути,

становились жертвой ея жадности. Основательно ограбивъ инородцевъ, дружинники объявляли ихъ новгородскими данниками и обкладывали ихъ въ пользу Новгорода данями, мѣхомъ и серебромъ. Такимъ путемъ въ рукахъ новгородскихъ купцовъ собиралось множество всякихъ мѣховъ.

Среди жителей Новгорода было не мало людей, не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій, не приписанныхъ ни къ какому сословію и не принимавшихъ участіе въ управленіи городомъ. Это—вольные люди. Они-то главнымъ образомъ и участвовали въ такихъ походахъ: терять имъ было нечего, а пріобрѣсти они могли много. Соединившись вокругъ какого-нибудь богача, эти *повольники*, какъ ихъ звали, составляли большіе отряды и предпринимали набѣги на *чудь*. «Народныя преданія, чрезвычайно распространенныя по крайнему сѣверу вездѣ говорятъ объ упорной борьбѣ. Вамъ покажутъ чудскіе могильники и кладбища, городища и городки, которые строила чудь для своей защиты. Въ одномъ мѣстѣ покажутъ гору, на вершинѣ которой защищалась чудь, сбрасывая внизъ каменья; въ другомъ плёссъ, гдѣ тонула чудь, загнанная новгородцами въ прорубь: въ третьемъ—лѣсъ, гдѣ она скрыла отъ враговъ свои сокровища и т. д., и т. д. Разсказываютъ, какъ бѣжала гонимая чудь въ лѣса, какъ умерщвляла себя копьями и луками, какъ погребалась добровольно со всѣмъ имуществомъ въ глубокихъ рвахъ и ямахъ, подрубая нарочно устроенныя на столбахъ крыши съ наваленными на нихъ камнями и землей» (Ефименко). Конечно, трудно узнать, сколько въ этихъ сказаніяхъ правды и сколько вымысла, но все же они свидѣтельствуютъ о томъ, что инородцы стойко защищали свою землю отъ новгородцевъ и сдавались только послѣ упорной и долгой борьбы.

Въ теченіе многихъ десятилѣтій ходили такимъ образомъ дружины повольниковъ за Заволочье, грабили инородческое населеніе, облагали его данью въ пользу Новгорода и даже основывали города. Такъ одна изъ такихъ дружинъ по Волгѣ проникла на р. Каму, а оттуда на ея притокъ Вятку, и на берегу этой рѣки заложила укрѣпленный городъ Хлыновъ, впослѣдствіи получившій названіе Вятки. Повольники или, какъ ихъ еще звали, ушкуйники (отъ слова *ушкуй*, особаго вида лодка, которою пользовались повольники во время рѣчныхъ своихъ путешествій) грабили и разоряли не только инородческія племена: нерѣдко нападали они и на русскіе города и селенія на Волгѣ, грабили и раззоряли ихъ не хуже татаръ. Не дешево обходились Новгороду эти подвиги ушкуйниковъ. Суздальскіе князья въ отмѣстку громили новгородскія земли, и нерѣдко новгородцы уплачивали огромный выкупъ, что бы спасти городъ отъ гнѣва сильныхъ понизовыхъ князей.

Вслѣдъ за лихими ватагами повольниковъ двигался на востокъ и простой черный людъ, который медленно, но неуклонно заселялъ завоеванный край и, вступая въ мирныя сношенія съ чудью, передавалъ ей свой языкъ и обычаи. Среди лѣсовъ возникали монастыри, а вблизи ихъ выростали русскія селенія.

Но земля досталась не простому люду. При помощи повольниковъ ее захватывали бояре; десятки и сотни тысячъ десятинъ лѣсного пространства попадали въ руки боярина—купца; цѣлый Важскій уѣздъ, напр., составлялъ вотчину бояръ Своеземцевыхъ [1]). Пріобрѣтали бояре землю и иными путями. Во первыхъ, они скупали участки

---

[1]) Такимъ же способомъ возникало и росло также и землевладѣніе монастырей и архіепископа.

мелкихъ владѣльцевъ. Во вторыхъ, отбирали ихъ за долги. Въ третьихъ, многіе мелкіе землевладѣльцы сами отдавались со всей землей боярину. Не будучи въ состояніи вести хозяйство собственными силами, либо желая избавить себя отъ насилія другихъ бояръ, такіе владѣльцы передавали свою землю какому-нибудь могущественному боярину, «закладывались» за него, какъ говорили тогда, а за это получали отъ него помощь и покровительство. Въ силу всѣхъ этихъ причинъ, владѣнія крупнаго земельнаго собственника были нерѣдко разбросаны въ десяти или даже двадцати разныхъ мѣстахъ.

Однако, крупные вотчинники не вели крупнаго хозяйства. Во первыхъ, земля была такъ плоха, что разрабатывать ее подъ пашню не имѣло смысла; во вторыхъ, они находили способы инымъ образомъ извлекать пользу изъ своихъ владѣній. Бояре и архіепископъ владѣли обширными пространствами земли на подобіе того, какъ удѣльный князь владѣлъ своимъ удѣломъ: имъ принадлежало лишь высшее право на землю; въ силу этого права они облагали оброкомъ живущее въ ихъ владѣніяхъ населеніе, но обрабатывали землю и распоряжались отдѣльными ея участками сами земледѣльцы. Крестьяне, жившіе на боярской и монастырской землѣ, назывались *половниками*, такъ какъ половину (иногда третью часть) своихъ доходовъ отдавали собственнику земли. Они равно, какъ и закладчики, были какъ бы вѣчными, наслѣдственными арендаторами боярской земли, владѣли своими участками изъ рода въ родъ. Крестьянское землевладѣніе Новгородской области такъ же, какъ и въ Суздальской землѣ, было складническимъ, или сябриннымъ [1]).

---

[1]) См. объ этой формѣ землевладѣнія въ книжкѣ «Удѣльная или Княжеская Русь».

Крестьяне рѣдко селились большими деревнями; обычно же они располагались однодворными, семейными поселками. Обработка пашни не имѣла большого значенія въ хозяйствѣ крестьянина. Только около Пскова, гдѣ почва была лучше, чѣмъ въ другихъ частяхъ Новгородской области, земледѣліе отнимало у крестьянина много силъ и времени. Вообще же крестьяне занимались охотой, звѣроловствомъ, рыболовствомъ, скотоводствомъ и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, солевареніемъ. Хлѣба едва хватало на себя, и частенько крестьянская семья должна была покупать его на сторонѣ. Поэтому-то новгородцы и закупали хлѣбъ въ Поволжьѣ и даже у нѣмцевъ. Нерѣдко случалось, что ростово-суздальскіе князья не пропускали хлѣбъ въ Новгородъ, и тогда тамъ вспыхивалъ голодъ. Много страданій приносили съ собой голодные годы для новгородцевъ. Чтобы купить хлѣба родители продавали иногда своихъ дѣтей нѣмцамъ, а смерть немилосердно косила тѣхъ, которые нигдѣ ничего не могли получить.

Однако, крестьяне не всегда находились въ зависимости отъ крупныхъ и знатныхъ землевладѣльцевъ. Въ 12 в. въ Новгородской области было много *своеземцевъ*. Такъ назывались крестьяне, владѣвшіе *собственной* землей. Правда, владѣнія своеземцевъ были невелики, но за то свободны отъ боярскаго, архіерейскаго или монастырскаго оброка. Въ 12 в. большая часть земель Новгородской области находилась тогда въ собственномъ владѣніи черныхъ людей. Въ 13 в. начинаетъ расти боярская собственность. Бояре, нажившіе при помощи торговли огромные капиталы, скупали или захватывали въ свои руки земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и число своеземцевъ и увеличивается число крестьянъ, зависимыхъ отъ крупныхъ собственниковъ земли. Въ 15 вѣкѣ уже большая часть земельныхъ угодій сосредоточилась во владѣніи бояръ,

новгородскаго владыки и монастырей, и своеземцы составляли лишь малочисленную кучку мелкихъ землевладѣльцевъ.

Черный людъ добывалъ себѣ пропитаніе и все, что нужно въ жизни, собственнымъ трудомъ. Покупали очень мало, лишь то, чего уже совсѣмъ нельзя было приготовить въ собственномъ хозяйствѣ: соль, желѣзныя издѣлія. Большинство товаровъ, привозимыхъ изъ-за границы, были предметами роскоши; ихъ покупали лишь богатые люди. Такимъ образомъ, большинство народа не участвовало въ новгородской торговлѣ. Она затрагивала лишь немногочисленные круги новгородцевъ, наиболѣе состоятельные и, преимущественно, городскіе. Поэтому и деньги не въ ходу были среди жителей Новгородской области.

Рис. 8. Новогородскія (1) и Псковскія (2) монеты.

Впрочемъ, и во всей Руси въ то время деньги представляли большую рѣдкость. До начала 15 в. новгородцы не имѣли чеканеной монеты. Главной денежной мѣрой у нихъ была гривна серебра въ фунтъ вѣсомъ. Ее дѣлили на части и получали такимъ образомъ нѣчто въ родѣ мелкой монеты. Кромѣ того ходила еще гривна кунъ, сдѣланная изъ низкопробнаго серебра. Въ началѣ 15 в. вмѣсто гривны серебра и гривны кунъ новгородцы стали употреблять нѣмецкія и литовскія монеты, а нѣсколько лѣтъ спустя завели свою собственную монету. Старая гривна серебра была разрублена пополамъ, получился рубль; причемъ рубли стали чеканиться. Рубль того времени равняется приблизительно 100 руб. нашего времени. Дороговизна денегъ, ихъ небольшое количество и

отсутствіе долгое время чеканеной монеты неопровержимо свидѣтельствуютъ о томъ, что торговля, не смотря на то, что ею жилъ Новгородъ, имѣла весьма небольшое вліяніе на складъ народной жизни.

Помимо охоты, рыболовства, скотоводства и земледѣлія, новгородцы занимались и другими промыслами, но въ очень малой степени. Въ псковской области крестьяне

Рис. 9. Башня архіепископа Евфимія съ древнѣйшими въ Россіи часами (15 вѣкъ)

Рис. 10 Корсунскія ворота въ Софійскомъ соборѣ въ Новгородѣ.

занимались пчеловодствомъ. Кое-гдѣ вываривали соль и добывали желѣзо. На Уралѣ они могли бы получать серебро, но не умѣли добывать его; вообще они не отличались искусствомъ разрабатывать минеральныя богатства своей области, уступали въ этомъ отношеніи даже

финнамъ. Именно поэтому покупали они у нѣмцевъ въ большомъ количествѣ желѣзо, свинецъ, олово, мѣдь и металлическія издѣлія. При постройкѣ и отдѣлкѣ своихъ храмовъ новгородцы не умѣли обойтись безъ помощи иностранныхъ и суздальскихъ мастеровъ. Такъ, мѣдныя двери Софійскаго собора были сдѣланы нѣмецкими мастерами и привезены изъ Германіи. Только плотничье ремесло процвѣтало въ Новгородѣ, и новгородскіе плотники пользовались большей и заслуженной славой по всей Руси.

III.

Враги Великаго Новгорода.

Богатства Великаго Новгорода постоянно возбуждали въ удѣльныхъ князьяхъ желаніе овладѣть этимъ городомъ. Со времени Ярослава Мудраго, княжившаго когда-то въ Новгородѣ, городъ этотъ пріобрѣлъ большія вольности, и князья выбирались народнымъ собраніемъ на вѣчѣ. И чѣмъ сильнѣе разгорались княжескія усобицы, потрясавшія Кіевскую Русь, тѣмъ выше поднимало голову новгородское вѣче, тѣмъ прочнѣе становилась новгородская вольность. Но первые же суздальскіе князья, укрѣпившіе свою власть въ Поволжьѣ, стали сильно тѣснить Великій Новгородъ, желая прибрать и его къ своимъ рукамъ. Во второй половинѣ 12 столѣтія Новгороду пришлось отстаивать свои вольности отъ Андрея Боголюбскаго, который хотѣлъ распоряжаться въ Новгородѣ такъ же самовластно, какъ и въ своемъ Владимірѣ на Клязьмѣ. И хотя новгородцы нанесли войскамъ Андрея два сильныхъ пораженія (1169 г.), имъ не удалось воспользоваться своими побѣдами. Андрей пріостановилъ подвозъ хлѣба

въ Новгородъ, и голодъ заставилъ новгородцевъ пойти на уступки.

Преемникъ Андрея Боголюбскаго, Всеволодъ Большое Гнѣздо и послѣдующіе владимірскіе князья то и дѣло вмѣшивались въ дѣла Новгорода, и новгородцамъ не разъ приходилось силой отстаивать свои вольности. Но когда нельзя было сломить новгородцевъ оружіемъ, ихъ смиряли голодомъ. Хлѣбъ съ низовыхъ странъ шелъ въ Новгородъ черезъ Торжокъ. Достаточно было овладѣть этимъ городомъ, чтобы преградить подвозъ хлѣба къ Новгороду. И только вѣчные раздоры между удѣльными князьями спасали новгородцевъ. Они зорко слѣдили за ихъ взаимной борьбой и, въ случаѣ опасности со стороны одного князя, призывали къ себѣ на помощь другого, врага перваго. Труднѣе всего пришлось новгородцамъ тогда, когда они столкнулись съ Москвой.

Были у Новгорода и еще грозные и страшные враги—шведы и нѣмцы. Въ 12 в. вся западная Европа была католической, и надъ всѣми королями и князьями возвышался всесильный архіепископъ римско-католической церкви, римскій папа. По его почину и съ его благословенія европейцы разныхъ странъ устраивали походы въ Палестину, ради освобожденія гроба Господня отъ турокъ, которые владѣли тогда этой страной. Походы эти извѣстны подъ именемъ крестовыхъ. Но если такіе походы угодны Богу, когда они устраиваются противъ «невѣрныхъ», мусульманъ, то они будутъ угодны Богу и тогда, когда будутъ направлены вообще противъ язычниковъ и иновѣрцевъ, чтобы привести ихъ на лоно истинной, католической вѣры. Такъ возникла мысль о крестовыхъ походахъ въ страну финновъ, латышей и русскихъ. За это дѣло взялся «орденъ Меченосцевъ», — такъ называло себя общество нѣмецкихъ рыцарей, посвя-

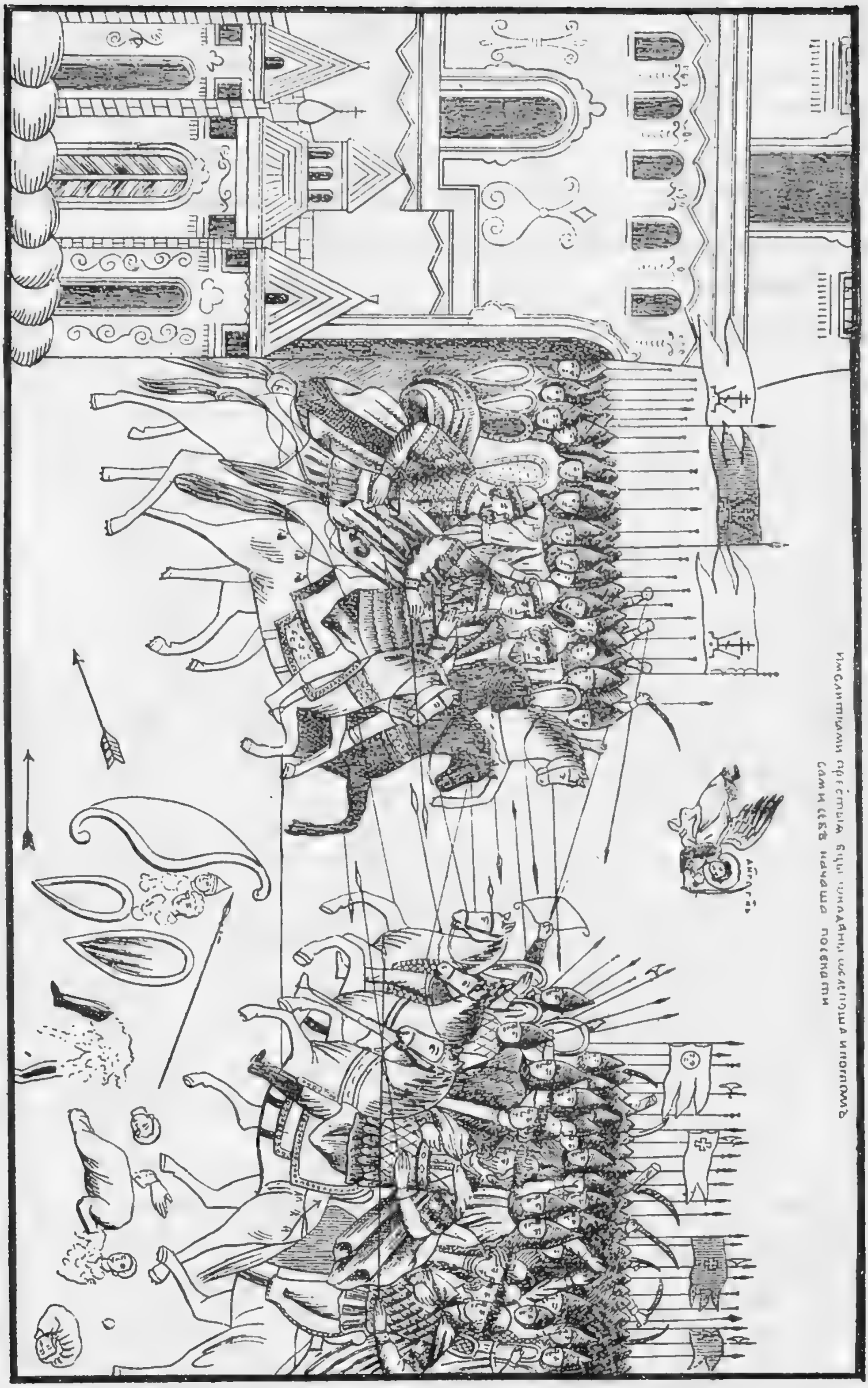


Рис. 11. Осада Новгорода Андреем Боголюбским.

тившихъ себя распространенію католичества на востокѣ Европы. Распространяя католичество, благородные рыцари становились господами завоеванныхъ ими земель и покореннаго населенія. Жажда власти и богатства не въ меньшей (если не въ большей) мѣрѣ влекла нѣмецкихъ рыцарей на восточные берега Балтійскаго моря. Эсты, ливы, воть, латыши, жмудь—вотъ какіе народы сдѣлались жертвой этого благочестиваго рвенія.

Спачала сюда стали ежегодно пріѣзжать нѣмецкіе принцы (изъ Бремена, Любека и другихъ городовъ Ганзейскаго союза), которые по рѣкѣ Западной Двинѣ проникали далеко вглубь страны. Вслѣдъ за ними явился нѣмецкій проповѣдникъ *Мейнгардтъ* (въ 1187 г.), который спачала построилъ церковь въ селеніи Икескола (гдѣ теперь стоитъ городъ Рига), а затѣмъ воздвигъ здѣсь крѣпкій замокъ. Съ благословенія папы, который поставилъ его епископомъ надъ будущими католиками, онъ сталъ распространять христіанство среди ливовъ и латышей. До поры до времени проповѣдь шла довольно успѣшно. Но когда дѣло доходило до уплаты налога въ пользу церквей и духовенства, обращаемые стали проявлять упорство. Преемникъ Мейнгардта былъ даже убитъ. Тогда сюда явился новый епископъ *Альбертъ Буксгевденъ* (въ 1169 г.) съ большимъ нѣмецкимъ войскомъ. Не желавшихъ креститься добромъ принуждали къ тому силой. Въ 1200 г. нѣмцы построили городъ *Ригу*, и епископъ сдѣлалъ его своимъ мѣстопребываніемъ. По его почину здѣсь и возникъ духовный *Ливонскій Орденъ Меченосцевъ* для болѣе успѣшной проповѣди христіанства. Члены Ордена были одновременно и монахами, и воинами (рыцарями). Какъ монахи, они проповѣдывали ученіе Христа словомъ, какъ воины—мечомъ; но къ мечу они прибѣгали чаще и охотнѣе, чѣмъ къ слову. Вслѣдъ

за рыцарями явились сюда и другіе нѣмцы, торговцы и земледѣльцы. Возникли укрѣпленные города и замки; коренное населеніе, силой крещеное, обращено было въ крѣпостное состояніе. Благочестивое занятіе оказалось и очень выгоднымъ: рыцари стали владѣльцами земли и дарового труда.

Финны скоро смирились, но литовцы чѣмъ дольше, тѣмъ ожесточеннѣе боролись за свою независимость, и нѣмцамъ такъ и не удалось покорить ихъ. Зато нѣмцы отняли много земель у полоцкаго князя и у новгородцевъ—городъ Юрьевъ, который назвали Дерптомъ.

Въ 1225 г. по сосѣдству съ Ливоніей, въ Пруссіи, населенной литовскимъ племенемъ пруссовъ, возникъ другой рыцарскій духовный орденъ — *Тевтонцевъ*, который поработилъ мѣстное населеніе и силою меча пріобщилъ его къ христіанской вѣрѣ. Въ 1237 г. оба ордена слились въ одинъ и образовали сильное рыцарское государство, извѣстное подъ именемъ *Ливоніи*. Рыцари обратили свои взоры на Русь и задумали и ее превратить въ свое достояніе; особенно привлекали ихъ богатства торговыхъ городовъ Пскова и Новгорода. Опасность была велика. Нѣмцы, какъ и всѣ вообще народы западной Европы, были образованнѣе, лучше вооружены и болѣе опытны въ военномъ дѣлѣ, чѣмъ русскіе. Новгородцамъ приходилось глубоко задуматься надъ своей судьбой. Къ счастью, въ это время у нихъ княжилъ талантливый полководецъ, князь Александръ Ярославичъ, прозванный Невскимъ. Главнымъ образомъ благодаря ему, новгородцы избавились отъ иноземнаго ига.

Прежде всего Александру пришлось выступить противъ шведовъ. Подобно нѣмцамъ, шведы, побуждаемые римскимъ папой, стали посылать проповѣдниковъ (миссіонеровъ) къ финнамъ, затѣмъ рѣшили завоевать Новго-

родъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя финскія племена (корелы) приняли православіе и находились подъ покровительствомъ Новгорода и платили ему дань. Разумѣется,

Карта 2. Западные сосѣди Великаго Новгорода.

въ случаѣ удачи, шведы сдѣлали бы попытку обратить новгородцевъ въ католичество. Но, конечно, ими руководила не только ревность къ вѣрѣ; богатства Великаго Новгорода тоже служили не малой приманкой имъ. 15 іюля 1240 г. шведы и русскіе встрѣтились на Невѣ;

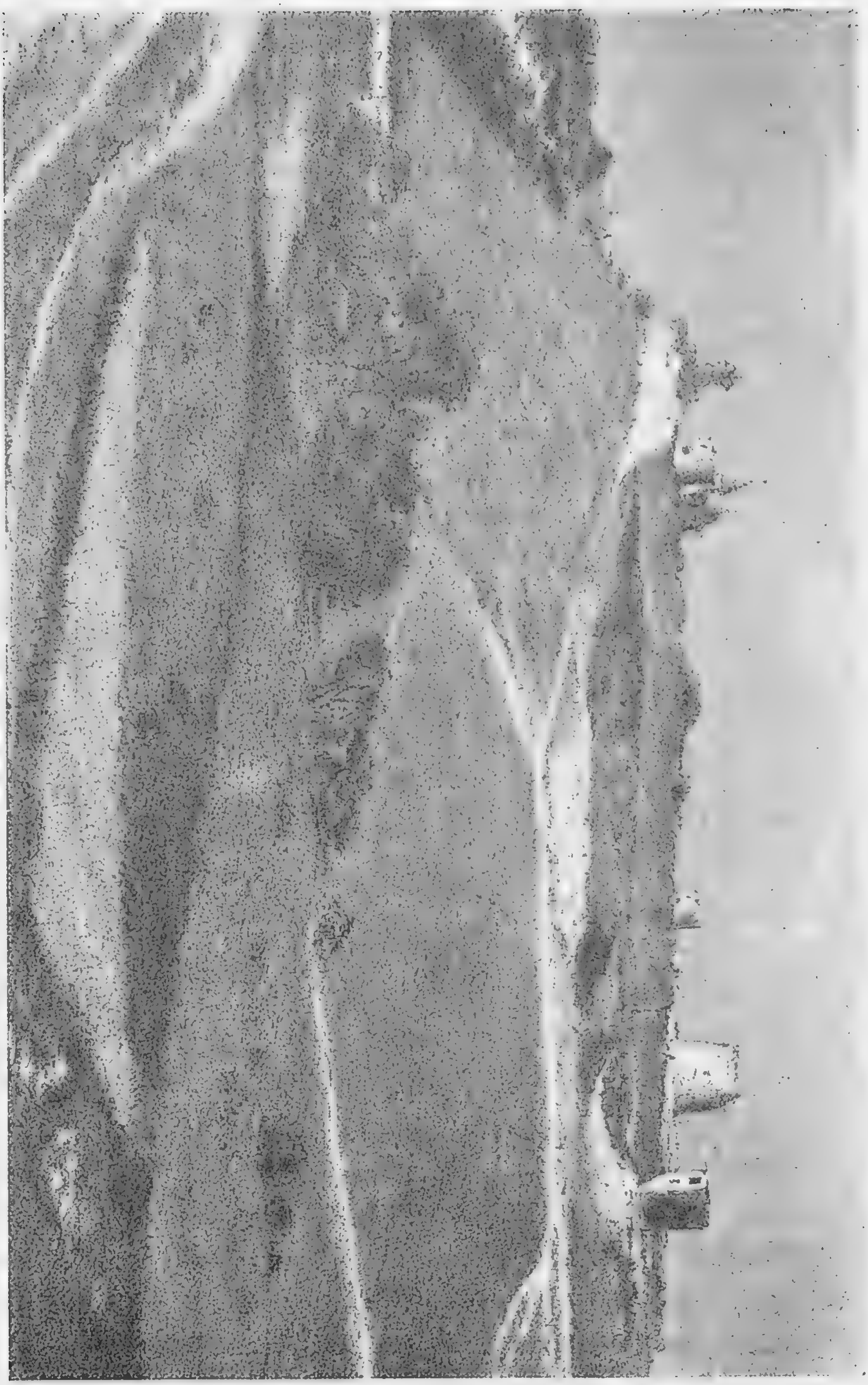


Рис. 12. Изборскъ, бывшій Псковскій пригородъ (построенъ въ 13 в.).

Александръ стремительно и неожиданно напалъ на непріятеля и нанесъ ему полное пораженіе. Эта побѣда спасла Новгородъ отъ шведовъ.

За свою побѣду Александръ получилъ прозвище Невскаго и извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Александра Невскаго.

Но только что новгородцы отразили одного врага, какъ имъ сталъ угрожать другой, не менѣе опасный — нѣмцы. Уже въ слѣдующемъ году, пользуясь внутренними неурядицами въ Новгородѣ, они захватили Псковъ и предприняли походъ на рядъ другихъ новгородскихъ пригородовъ. Въ Копорьѣ они даже выстроили свое укрѣпленіе. Опасность заставила новгородцевъ опять пригласить къ себѣ Александра, съ которымъ они было разсорились. Въ 1242 г. Александръ Невскій выгналъ нѣмцевъ изъ Пскова, а затѣмъ одержалъ надъ ними блестящую побѣду на льду Чудскаго озера. Но этимъ борьба не кончилась. Долго еще нѣмцы не переставали безпокоить Псковъ и Новгородъ своими набѣгами. Эти два города, въ особенности Псковъ, служили оплотомъ Руси противъ нѣмцевъ. Внутреннiе раздоры среди рыцарей облегчали борьбу съ ними, и, несмотря на свое военное превосходство, они не могли овладѣть ни Псковомъ, ни Новгородомъ.

Самыми опасными врагами вольнаго города Новгорода оказались великiе князья московскiе. Съ конца 14 вѣка они стали сильно тѣснить новгородцевъ, а въ концѣ 15 столѣтiя окончательно овладѣли Новгородомъ и покончили со всѣми его вольностями. Однако, о томъ, какъ и почему это случилось, разсказано будетъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

IV.

Управленіе Новгорода и борьба партій.

Въ Удѣльное время всѣ русскія области управлялись князьями, которымъ помогали бояре и дружина. Народъ не имѣлъ голоса въ дѣлахъ управленія. Но вотъ что писалъ объ управленіи Новгородомъ уже извѣстный намъ Ж. де Ланнуà: «Городъ свободный и управленіе общинное. Имѣютъ епископа, который у нихъ, какъ бы государь... Не имѣютъ иныхъ властей, какъ только выборныхъ, которыхъ община пожелаетъ».

На обширномъ Ярославовомъ дворѣ, что на Торговой сторонѣ, стоялъ помостъ, а рядомъ башня, гдѣ висѣлъ звонкій вѣчевой колоколъ. По звуку колокола жители Новгорода сходились со всѣхъ сторонъ на площадь, и начиналось собраніе. На помостъ или, какъ его называли, *степени* усаживались власти, и отсюда ораторы обращались къ народу съ рѣчами. Внизу башни помѣщалась вѣчевая канцелярія, гдѣ подъ наблюденіемъ вѣчевого дьяка писцы писали разныя грамоты о постановленіяхъ вѣча.

Вѣче рѣшало всѣ вопросы, которые касались Великаго Новгорода. Начинать ли войну, заключить миръ, ввести ли новый налогъ или пошлину, установить ли съ нѣмцами или удѣльнымъ княземъ какой-нибудь договоръ—все это рѣшало народное собраніе. Оно же выбирало всѣ городскія власти, судило ихъ, требовало отъ нихъ отчета, приглашало въ Новгородъ князя и изгоняло его. Словомъ, народное собраніе, вѣче, распоряжалось въ Новгородѣ, какъ верховная власть. Въ грамотѣ, гдѣ излагалось рѣшеніе вѣча, всегда указывалось, что она пишется «отъ всего Великаго Новгорода, отъ всѣхъ пяти концовъ».

Однако, далеко не все населеніе Новгородской области принимало участіе въ вѣчѣ. Достаточно было, если на немъ собирались только жители самого Новгорода. Придерживались стариннаго русскаго правила: «на чемъ старшіе (города) сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ».

Рис. 13. Дворъ Ярослава. Вѣчевая башня.

Постановленіе, сдѣланное только жителями Новгорода, считалось обязательнымъ для всей новгородской земли, т. е. для всѣхъ городовъ и селеній, находившихся подъ властью Великаго Новгорода. Правда, жители пригородовъ имѣли право тоже участвовать на вѣчѣ. Но развѣ можно было, напр., псковичамъ ѣздить въ Новгородъ и отстаивать тамъ свои интересы. Нерѣдко бывало, что Новгородъ

силою принуждалъ пригороды исполнять рѣшенія своего вѣча. Понятно, поэтому, что когда Псковъ выросъ, разбогатѣлъ и окрѣпъ, онъ потребовалъ себѣ самостоятельности, а когда новгородцы заупрямились, то силою оружія пріобрѣлъ онъ свободу,—въ началѣ 14 вѣка Псковъ отдѣлился отъ Новгорода. Жизнь и управленіе Пскова, въ общемъ, были очень похожи на то, что знаемъ мы о Новгородѣ.

Не существовало никакихъ правилъ ни о времени созыва вѣча, ни о его численности. Созывалось оно по мѣрѣ надобности: разъ, два, три и чаще въ мѣсяцъ. Постановленіе, принятое большинствомъ, считалось единогласнымъ.

На вѣчѣ избирались высшія должностныя лица города. Самымъ важнымъ былъ *посадникъ*. Онъ предсѣдательствовалъ на вѣчѣ, почему и назывался *степеннымъ* посадникомъ (такъ какъ во время собранія находился на степени, на помостѣ), въ отличіе отъ старыхъ, бывшихъ посадниковъ. Вмѣстѣ съ княземъ онъ судилъ, ходилъ на войну и распоряжался всѣми дѣлами города.

Ниже посадника стоялъ *тысяцкій*. Это былъ начальникъ городского ополченія, *тысячи*. Онъ предсѣдательствовалъ на торговомъ судѣ, находившемся при церкви Ивана Великаго на Опокахъ, разбиралъ судебныя тяжбы между черными людомъ, а также разныя несогласія между новгородцами и нѣмецкими купцами.

Каждый конецъ на кончанской сходкѣ выбиралъ своего старосту, который наблюдалъ за дѣлами конца и приписанной къ нему пятины. То же было и въ сотнѣ и на каждой улицѣ: сотскіе и уличанскіе старосты пеклись о нуждахъ своей части города. Сотскіе кромѣ того были, какъ мы уже знаемъ, начальниками сотенъ, отрядовъ городского ополченія. Пятины дѣлились на *погосты*, во

главѣ которыхъ стояли старосты; главная обязанность послѣднихъ заключалась въ томъ, чтобы раскладывать и собирать налоги, лежавшіе на черномъ людѣ, и вѣдать сельскую полицію. Кромѣ этихъ въ Новгородѣ были еще рядъ и другихъ должностныхъ лицъ, какъ, напр., бирючи, подвойскіе, пристава и т. д.

Всякое дѣло, подлежавшее рѣшенію на вѣчѣ, проходило предварительно черезъ *господу*. Такъ назывался правительственный совѣтъ, который обсуждалъ всѣ вопросы раньше, чѣмъ они доходили до вѣча. Господа состояла изъ посадника, тысяцкаго, сотскихъ, кончанскихъ, старостъ и бирючей. Кромѣ того, въ его составъ входили бывшіе посадники и тысяцкіе. Совѣтъ собирался либо у князя, либо въ отсутствіе послѣдняго, у архіепископа, который и предсѣдательствовалъ на немъ. Опытные въ государственныхъ дѣлахъ члены господы въ такомъ видѣ преподносили вѣчу вопросъ, что вѣче часто разрѣшало его такъ, какъ хотѣлъ совѣтъ. Но у совѣта были и другія обязанности. Онъ наблюдалъ за дѣятельностью всѣхъ должностныхъ лицъ, велъ переговоры съ нѣмцами и русскими областями, иногда даже выступалъ вмѣсто вѣча и дѣйствовалъ отъ имени Новгорода. Такъ, однажды преподобный Зосима, основатель Соловецкаго монастыря (дѣло было въ началѣ 15 в.), жаловался новгородскому владыкѣ на то, что монастырская братія терпитъ непріятности отъ холоповъ и крестьянъ, «насельниковъ» (т. е. жителей) боярскихъ земель. Владыка обѣщалъ повѣдать обо всемъ господѣ. Онъ собралъ совѣтъ и разсказалъ ему о насельникахъ, «пакости дѣющихъ преподобному». Совѣтъ выдалъ монастырю грамоту на владѣніе Соловецкими островами, скрѣпленную восемью оловянными печатями архіепископа, посадника, тысяцкаго и кончанскихъ старостъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, со-

вѣтъ поступалъ вполнѣ самостоятельно, какъ верховная власть Новгорода.

Какое же мѣсто въ управленіи Новгородомъ занималъ князь? До 13 вѣка власть новгородскаго князя была почти такъ же велика, какъ власть и другихъ удѣльныхъ князей. Но уже въ теченіе 12 в. она подверглась сильнымъ ограниченіямъ, а начиная съ 13 в. князь становится служилымъ человѣкомъ Великаго Новгорода. На его обязанности лежала прежде всего и главнымъ образомъ защита Новгорода отъ враговъ. Что же касается суда и управленія, то права князя, какъ судьи и правителя, были сильно ограничены. Въ другихъ областяхъ русской земли князья занимали удѣлы либо по наслѣдству, либо по праву старшинства. Въ Новгородѣ князей приглашало вѣче, которое брало съ нихъ обѣщаніе, что они будутъ соблюдать обычаи новгородскіе. Права князя и его обязанности точно перечислялись въ особой грамотѣ, и обѣ стороны давали клятвенное обѣщаніе не нарушать договора. Въ такихъ грамотахъ обыкновенно говорится: «Безъ посадника тебѣ, княже, волостей не раздавать и грамоть не давать», «безъ посадника судъ не судить», «безъ новгородскаго слова войны не замышлять» и т. п. Князь, его бояре и дворяне не имѣли права пріобрѣтать въ Новгородской области селъ, слободъ, холоповъ и закладней. Новгородцы правильно разсудили, что если князь и его бояре пріобрѣтутъ себѣ въ ихъ области обширныя имѣнія, власть князя значительно усилится, а именно этого-то они и не хотѣли. Въ вознагражденіе за свою службу князь получалъ опредѣленный «кормъ». Его такъ и называли: «князь нашъ кормленый», т. е., состоящій у насъ на жалованіи. Онъ получалъ «княжчины», имѣнія, съ которыхъ онъ могъ брать доходъ на себя и свою дружину. Кромѣ того, ему позволяли охотиться въ Русѣ и на 60 верстъ

вокругъ Новгорода, но не дальше. Но и въ этихъ предѣлахъ охота его крайне стѣснялась. Ловля звѣрей была выгоднымъ дѣломъ и новгородцы опасались, что князь слишкомъ разбогатѣетъ на ихъ счетъ. По этой же причинѣ новгородцы не давали князю торговать съ иноземными купцами безъ посредства новгородскихъ купцовъ. Если князь нарушалъ договоръ или свой «рядъ» съ Новгородомъ, вѣче поднимало противъ него страшный шумъ и нерѣдко дѣло кончалось тѣмъ, что князя изгоняли изъ Новгорода. Такъ въ 1270 году новгородцы заявили своему князю Ярославу: «Почему ты, князь, завладѣлъ всѣмъ Волховомъ и полями, всюду разставилъ своихъ ловцовъ? Зачѣмъ отнялъ дворъ у Алексы Мартыныча? Зачѣмъ взялъ лишнія деньги съ Никифора Манускинича? Зачѣмъ гонишь изъ города иноземцевъ, которые у насъ живутъ? Не можемъ больше, князь, терпѣть твоего насильства; уѣзжай отъ насъ, а мы себѣ промыслимъ другого князя»! Это называлось указать князю путь.

Таково было устройство управленія въ Великомъ Новгородѣ. Мы видимъ, что управлялся Новгородъ совсѣмъ не такъ, какъ остальная Русь, гдѣ властителями были князья, а народъ платилъ подати и исполнялъ приказанія начальства. Въ Новгородѣ верховной властью была власть вѣча, а князь считался служилымъ человѣкомъ, а не господиномъ.

Между народомъ и княземъ происходили частыя ссоры. Князья никакъ не могли помириться съ своимъ приниженнымъ положеніемъ; они пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы расширить свою власть. Но вѣче зорко смотрѣло за ними и подымало шумъ всякій разъ, когда князь дѣйствовалъ вопреки договору. Вѣче и князь были какъ бы два врага, которые однако не могли обойтись другъ безъ друга. Не сразу потерялъ князь свое

первенствующее положеніе въ новгородскомъ управленіи. Упорной борьбой добились новгородцы своихъ вольностей. Но новгородцы боролись не только съ самовластіемъ князей. среди ихъ самихъ не было единства, взаимная вражда дѣлила ихъ на партіи. На вѣчѣ всѣ были равны— и знатный, богатый бояринъ и простой, бѣдный смердъ, а въ жизни смердъ работалъ на боярина, а бояринъ держалъ его въ кулакѣ. У нихъ были разные интересы, и эта разница интересовъ порождала непрерывную борьбу, которая наполняетъ собою всю исторію Великаго Новгорода.

Чтобы понять, какъ слѣдуетъ, эту борьбу, надо присмотрѣться къ взаимнымъ отношеніямъ бояръ, житьихъ людей, купцовъ и черныхъ людей. Бояре имѣли большіе капиталы и много земли. «Въ городѣ много большихъ господъ, называемыхъ боярами, — говоритъ де Ланнуа. Есть такой горожанинъ, который владѣетъ землею въ 200 миль протяженія; богаты и могущественны на диво». Еще до призванія князей бояре, которые тогда назывались «нарочитыми» или лучшими, «вятшими» мужами, усердно занимались торговлей. Когда же въ Новгородѣ появились князья, нарочитые мужи стали ближайшими ихъ помощниками и получили званіе бояръ. Мало по малу политическія дѣла (т. е. дѣла по управленію государствомъ), такъ захватили бояръ, что у нихъ не осталось времени на торговлю. Постепенно они перестали заниматься торговлей, а пріобрѣтенные раньше капиталы стали пускать въ ростъ, ссужая деньгами купцовъ и черныхъ людей. Такимъ путемъ тѣ и другіе попали въ денежную зависимость отъ бояръ. Кромѣ того, бояре пріобрѣтали все больше и больше земельныхъ владѣній, а вмѣстѣ съ этимъ росло и число зависимыхъ отъ нихъ крестьянъ.

Пользуясь своимъ богатствомъ и вліяніемъ, «богатые

и могущественные на диво» бояре овладѣли всѣми важными должностями Новгорода. Посадники, тысяцкіе, старосты (кончанскіе и улицкіе), сотенскіе, бирючи и др.— все это были бояре. Госпóда, или правительственный совѣтъ, состоялъ изъ бояръ, такъ какъ въ него входили какъ степенные, такъ и бывшіе посадники, тысяцкіе, сотскіе и старосты, т. е. должностныя лица, выбиравшіяся изъ бояръ. Вслѣдствіе этого политическая сила боярства была велика, и прежде всего опо воспользовалось этой силой для того, чтобы снять съ себя и возложить на купцовъ и черныхъ людей бремя налоговъ.

Бояре (и то съ 13 вѣка) платили только татарскую дань, но и ее они очень ловко сваливали на зависимыхъ отъ себя людей. На купцовъ наложены были всякаго рода торговыя и проѣзжія пошлины. Но больше всего налоговъ и повинностей несли черные люди. Во 1-хъ, они платили «черный боръ», дань въ пользу новгородскаго князя; во 2-хъ, «поралье посадниче и тысяцкаго». или «поральскую бѣлку», налогъ въ пользу посадника и тысяцкаго; въ 3-хъ, на нихъ лежала обязанность доставлять кормы и подвозы должностнымъ лицамъ, ѣздившимъ по волости; въ 4-хъ—«городовое дѣло», т. е. постройка и поправка укрѣпленій.

Итакъ, народъ правилъ въ Новгородѣ только по видимости, на дѣлѣ всѣмъ ворочали бояре, и госпóда была, въ сущности, боярскимъ совѣтомъ; черезъ него бояре вліяли на вѣче и правили Новгородомъ. Однако такого первенствующаго значенія бояре достигли не сразу. Сила и значеніе ихъ выростала по мѣрѣ скопленія въ ихъ рукахъ денежныхъ капиталовъ и земельныхъ богатствъ.

Двѣ партіи боролись постоянно на вѣчѣ. Одна изъ нихъ была народная партія, которая отстаивала интересы всего народа; другая—боярская партія, которая хлопотала

о томъ, чтобы вся власть въ Новгородѣ сосредоточилась въ рукахъ бояръ. Въ первую партію входили купцы и черный людъ, во вторую бояре; впрочемъ и въ народной партіи были бояре, преимущественно землевладѣльцы, не занимавшіеся торговлей и отдачей своихъ капиталовъ въ ростъ.

Въ теченіи 12 в. и значительной части 13 вѣка борьба вращалась вокругъ вопроса о князѣ. Народная партія желала имѣть князя не сильнаго, податливаго; бояре, опасаясь могущества вѣча, напротивъ. хотѣли заполучить князя сильнаго и властнаго, который могъ бы служить имъ опорой противъ народа, Но долгое время перевѣсъ былъ на сторонѣ народной партіи, и къ началу 13 в. своеволіе князя было значительно ограничено. Это ограниченіе княжеской власти было всецѣло дѣломъ народной партіи. Когда въ 1218 г. князь Святославъ Мстиславичъ, недовольный посадникомъ Твердиславомъ Михалковичемъ, хотѣлъ его смѣстить, то на вѣчѣ спросили князя: «А какая вина его?»—«А такъ, неугоденъ онъ мнѣ»—отвѣчалъ князь.—«Князь!—заявили ему тогда,—ты намъ крестъ цѣловалъ, безъ вины мужа власти не лишать. Твердиславъ нашъ посадникъ и не хотимъ его мѣнять». Князь уступилъ. И народная партія всегда такъ поступала. Но не всегда была она у власти. Нерѣдко власть попадала въ руки боярской партіи. Во второй половинѣ 12 в. въ Новгородѣ княжилъ ставленникъ Андрея Боголюбскаго, Рюрикъ Ростиславичъ. У власти находилась боярская партія. Въ 1171 г. князь лишилъ посадника Жирослава власти и выгналъ его изъ Новгорода. И хотя Жирослава поставили сами бояре, они не возмутились, не потребовали его возвращенія, а поставили на его мѣсто другого. И вообще боярская партія проявляла большое смиреніе передъ княземъ.

Но начиная съ первой четверти 13 в. объ партіи постепенно измѣняютъ свое отношеніе къ князю. Народная партія начинаетъ склоняться въ сторону сильнаго, а боярская въ сторону слабаго князя. Что же случилось? Число мелкихъ землевладѣльцевъ и свободныхъ смердовъ все уменьшалось, торговля расширялась, боярскіе капиталы росли, увеличивалось и боярское землевладѣніе, все большее и большее число людей попадало въ зависимость отъ бояръ—капиталистовъ. И всѣ тѣ вольности, которыхъ добилась для Новгорода народная партія, оказались въ рукахъ бояръ. Однихъ подкупая, другихъ устрашая, они заставляли вѣче избирать должностныхъ лицъ изъ своей партіи. А главное, бояре дѣйствовали черезъ боярскій совѣтъ, *господу*. Теперь они уже не такъ нуждались въ сильномъ князѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше. Напротивъ, народная партія все больше и больше убѣждалась, что у народа мало средствъ бороться съ притѣсненіями бояръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе укрѣплялась мысль, что только сильный князь можетъ справиться съ самовластіемъ бояръ. И вотъ мы видимъ, что уже въ половинѣ 14 вѣка народная партія крѣпко стоитъ за то, чтобы на новгородскомъ столѣ сидѣли московскіе князья, какъ самые сильные на Руси, а боярская партія, напротивъ, стремится къ еще большему расширенію новгородской самостоятельности.

Во второй половинѣ 14 вѣка боярская партія попыталась отдѣлиться отъ всей Руси и въ церковномъ отношеніи. Русская церковь имѣла тогда во главѣ московскаго митрополита, а московскій митрополитъ очень много содѣйствовалъ усиленію власти московскаго князя [1]).

Архіепископъ новгородскій, какъ и всѣ другіе рус-

---

[1]) См. объ этомъ въ кн. «Удѣльная или княжеская Русь».

скіе архіереи, былъ подчиненъ митрополиту, и то самъ ѣздилъ въ Москву, то принималъ у себя въ Новгородѣ своего начальника. Въ случаѣ распри московскихъ князей съ Новгородомъ, митрополиты заставляли и новгородскаго владыку дѣйствовать въ интересахъ Москвы. Но новгородскій архіепископъ не склоненъ былъ поступать по чужой указкѣ. Съ половины 12 в. новгородцы стали сами на вѣчѣ избирать себѣ архіерея. И въ силу этого новгородскій владыка чувствовалъ себя своимъ человѣкомъ въ Новгородѣ и по мѣрѣ возможности служилъ его славѣ и процвѣтанію. А возможности къ тому у него было много. Собственно церковными дѣлами онъ занимался мало, но зато принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ политическихъ. Владыка скрѣплялъ своей печатью постановленія вѣча, примирялъ враждующія партіи, велъ переговоры отъ имени Новгорода съ тверскими, московскими и др. князьями, былъ посредникомъ между новгородцами и иностранцами. Вотъ почему новгородскій владыка могъ показаться иностранцу «какъ бы государемъ» новгородскимъ, защищалъ послѣднихъ отъ обидъ и оскорбленій первыхъ, предсѣдательствовалъ въ боярскомъ совѣтѣ, часто разбиралъ судебныя дѣла и пр.; словомъ обязанности у него были обширныя и многообразныя. Владыка содержалъ свой дворъ и отрядъ войска, владыченъ стягъ; у него были свои бояре (владычни бояре) и вообще масса служилаго люда. Земельныя богатства его были огромны; на его земляхъ сидѣло болѣе двухъ тысячъ крестьянъ.

Немудрено, что владыка пользовался въ Новгородѣ большимъ вліяніемъ, и новгородцамъ невыгодна была его зависимость отъ московскаго митрополита. И вотъ они стараются избавить своего епископа отъ этой невыгодной зависимости. Митрополитъ, разумѣется, сталъ про-

тивиться притязаніямъ Новгорода, и тогда новгородцы объявили свою церковь независимой отъ Москвы, совершенно самостоятельной. Въ отвѣтъ высшій глава русской церкви, константинопольскій патріархъ, прислалъ грозную грамоту, а митрополитъ московскій отлучилъ новгородцевъ отъ церкви (въ 1391 г.). Ни грамота, ни отлученіе не подѣйствовало, новгородцы продолжали стоять на своемъ. Тогда великій князь Василій Дмитріевичъ московскій занялъ Торжокъ, самый ближній къ Москвѣ изъ новгородскихъ пригородовъ, и опустошилъ новгородскую область. Новгородцы не могли больше сопротивляться и возстановили старый церковный порядокъ. Все это происходило при самомъ дѣятельномъ участіи боярской партіи, которая была въ то время у власти.

Партійная борьба на вѣчѣ нерѣдко кончалась жестокой потасовкой. Вообще на вѣчѣ не было порядка, и оно сильно напоминало теперешнія сходки нашихъ крестьянъ: шумъ, гамъ, споры, крикъ. Когда выяснялось, что обѣ стороны равны и ни одна не имѣетъ за собой большинства, а страсти, между тѣмъ, ужъ разгорѣлись, споръ переходилъ въ свалку. Бывало и такъ, что противныя партіи созывали каждая свое особое вѣче,—народная—на Софійской, а боярская обычно—на торговой сторонѣ. Послѣ бурныхъ преній оба вѣча сходились на Волховскомъ мосту, соединявшемъ обѣ стороны, и вступали въ настоящую битву. Бились на смерть съ страшнымъ ожесточеніемъ, а мертвыхъ и раненыхъ безъ жалости сбрасывали въ рѣку. Битва продолжалась до тѣхъ поръ, пока одна сторона не побѣжитъ, или пока не явится архіепископъ съ крестомъ въ рукѣ во главѣ крестнаго хода и не утишитъ расходившіяся страсти. Вслѣдствіе частыхъ столкновеній Волховскій мостъ пріобрѣлъ печальную славу; не даромъ о немъ сложилась такая ле-

генда (сказаніе): когда при Владимірѣ Святомъ новгородцы сбросили идола Перуна въ Волховъ, то, доплывъ до моста, идолъ выкинулъ на него палку со словами: «вотъ вамъ, новгородцы, отъ меня на память». Съ тѣхъ поръ, будто бы, и пошли эти страшныя побоища на мосту.

Народныя возстанія были нерѣдкимъ явленіемъ въ Новгородѣ. Во время княженія князя Всеволода Мстиславича, ставленника боярской партіи, простой людъ терпѣлъ сильныя притѣсненія. Въ 1135 г. выведенный изъ терпѣнія народъ возсталъ; бросились на бояръ, разграбили ихъ дома и имущества, но добро взяли не себѣ, а отдали купцамъ, чтобы помочь имъ собрать воиновъ. Вскорѣ изгнанъ былъ и самъ князь за то, что «не блюлъ смердовъ».

Рознь между богатыми и знатными, съ одной стороны, и между бѣдными и простыми, съ другой, порождала страшную взаимную злобу. По поводу всякой мелочи вспыхивали иногда кровавыя стычки. Такъ въ 1418 г. какой-то простой человѣкъ Степанко схватилъ на улицѣ одного боярина и закричалъ: «Братцы, пособите мнѣ на этого злодѣя». Сейчасъ же собралась толпа такихъ же простыхъ людей и, схвативъ боярина, притащила его на вѣче; тамъ его избили до полусмерти и затѣмъ сбросили съ Волховскаго моста въ рѣку. Такъ поступали обыкновенно съ тяжкими преступниками. Но проѣзжавшій въ это время рыбакъ вытащилъ боярина изъ воды въ свой челнокъ и спасъ его. За это народъ разгромилъ домъ рыбака. Черезъ нѣкоторое время боярину удалось схватить своего обидчика. Быстро разнеслась молва объ этомъ по городу, зазвонилъ вѣчевой колоколъ на Ярославовомъ дворѣ, и вскорѣ вооруженныя партіи уже стояли на готовѣ другъ противъ друга. Между тѣмъ другая толпа разграбила домъ боярина и всю улицу, гдѣ онъ

жилъ. Бояре хотѣли было уже освободить Степанко, но разгоряченная толпа не слушала ничего и начала разгромъ другихъ боярскихъ улицъ. Тогда бояре дали отпоръ. Подняли звонъ по всему городу. Со всѣхъ сторонъ сбѣжались люди, и на Волховскомъ мосту открылось настоящее сраженіе. Съ большимъ трудомъ усмирилъ владыка разсвирѣпѣвшихъ противниковъ, съ крестомъ въ рукѣ въ полномъ облаченіи и въ сопровожденіи крестнаго хода пришедшій къ мѣсту побоища.

Но чѣмъ больше росла сила бояръ, тѣмъ рѣже и рѣже поднималась бѣднота на защиту попранныхъ своихъ правъ и интересовъ. На вѣчѣ горланили люди, подкупленные боярами; многіе не имѣли мужества противиться, такъ какъ кругомъ были въ долгу у бояръ. Простому народу становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Въ 1446 г. лѣтописецъ пишетъ такія горькія строки: «А въ то время не было въ Новгородѣ правды и праваго суда, и возстали ябедники и снарядили геты и обѣты и цѣлованія на неправду (т. е. прибѣгали къ ложнымъ клятвамъ) и начали грабить по селамъ и по волостямъ и по городу, и были на поруганіе сосѣдямъ нашимъ, насъ окружающимъ; и были по волостямъ частые поборы, крикъ и рыданія, вопли и проклятіе всѣхъ людей на старѣйшинъ нашихъ и на градъ нашъ, ибо не было у насъ милости и суда праваго». И такія жалобы на злоупотребленія «безправдивыхъ бояръ» съ каждымъ годомъ слышались все чаще и чаще.

V.

Паденіе новгородской вольности.

Въ 15 вѣкѣ бояре сдѣлались безграничными владыками Новгорода и его волостей. Они господство-

вали на вѣчѣ, въ ихъ рукахъ находился совѣтъ, они выбирали своего архіерея и по своему управляли всей новгородской землей. Они заботились о дальнѣйшемъ расширеніи волостей новгородскихъ, но дѣлали это не ради интересовъ всего народа, а ради собственныхъ своихъ выгодъ. Народъ все больше и больше убѣждался, что никакія вольности не спасутъ его отъ жадности и своекорыстія бояръ, и поэтому онъ все болѣе и болѣе охладѣвалъ и къ вѣчу, и къ выбору властей. Непримиримый разладъ между низшими и высшими, злоупотребленія бояръ и притѣсненія народа подломили силу Великаго Новгорода и привели его къ гибели.

Во второй половинѣ 13 вѣка новгородцы стали приглашать къ себѣ тверскихъ князей. Но своенравные тверскіе князья не очень-то церемонились съ новгородскими вольностями, и новгородцы обратили свои взоры на все усиливавшуюся тогда Москву. Тверь и Москва были врагами другъ другу, такъ какъ обѣ добивались владимірскаго великокняжескаго стола. Эта вражда была на руку новгородцамъ, — поддерживая одного князя, они ослабляли другого и въ благодарность получали охрану своихъ вольностей. Но вотъ Москва одолѣла Тверь и возвысилась надъ всѣми княжествами, и Новгороду уже негдѣ стало выбирать князей. Только одинъ великій князь Московскій и могъ занимать новгородскій столъ. Но самовластные московскіе князья не терпѣли надъ собой никакихъ ограниченій. Они хотѣли распоряжаться въ Новгородѣ такъ же свободно, какъ и въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ.

Совсѣмъ безъ князя новгородцы не могли жить: имъ нуженъ былъ опытный полководецъ, искусный воинъ и защитникъ отъ многочисленныхъ враговъ. Поэтому Новгороду пришлось смириться и терпѣливо переносить

обидныя притѣсненія московскаго князя. Иванъ III, правившій тогда въ Москвѣ, искусно пользовался раздорами между новгородцами; у него было множество приверженцевъ среди людей, недовольныхъ боярскимъ самоуправствомъ, и къ нему все чаще и чаще обращались съ жалобами на бояръ. Иногда онъ самъ пріѣзжалъ, иногда присылалъ своихъ довѣренныхъ для разбора жалобъ. Такъ пріучалъ онъ новгородцевъ къ мысли о томъ, что только у московскаго князя могутъ и должны они искать себѣ правды и суда.

Но боярская партія не хотѣла полнаго подчиненія Москвѣ. Раньше можно было въ противовѣсъ одному князю обращаться къ другому. Но теперь на Руси не было ни кого, кто могъ бы противиться московскому князю. Соперниковъ ему можно было найти только за границей. И вотъ среди бояръ стала зрѣть мысль о томъ, чтобы обратиться за помощью къ Литвѣ, этому давнему врагу московскихъ князей. Въ это время въ боярской партіи огромное вліяніе имѣла вдова посадника Борецкаго, Марѳа, женщина очень богатая, умная и съ сильной волей. Она пріобрѣла многочисленныхъ сторонниковъ не только среди бояръ, но и простого народа, щедро раздавая золото, подарки, оказывая покровительство и услуги. Мысль о соединеніи съ Литвой была особенно дорога Марфѣ Посадской и ея друзьямъ. Начались переговоры съ княземъ литовскимъ Казиміромъ, который былъ въ то же время и королемъ польскимъ. Но Казиміръ былъ католикъ, а къ иновѣрцамъ въ народѣ относились съ подозрѣніемъ и недовѣріемъ. Иванъ III зналъ объ этихъ замыслахъ и черезъ своихъ людей увеличивалъ въ Новгородѣ число своихъ приверженцевъ. Архіепископъ новгородскій Ѳеофилъ, большая часть духовенства, народъ и часть бояръ была на его сторонѣ.

Къ несчастью для Марфы Борецкой и ея друзей, Казиміръ увлекался нѣмецкими дѣлами и не оказалъ ей поддержки. Онъ послалъ какого-то маленькаго литовскаго князька править въ Новгородъ, но самъ и не думалъ оказать ему помощь, когда пришла бѣда. Для Ивана III приглашеніе литовскаго князя въ Новгородъ было достаточнымъ предлогомъ къ войнѣ, и лѣтомъ 1471 г. онъ во главѣ большого войска направился въ Новгородъ. Псковъ, у котораго были постоянные споры съ Новгородомъ, сталъ на сторону московскаго князя.

Самъ Иванъ III остановился въ Торжкѣ, послалъ впередъ воеводу Дмитрія Холмскаго. Въ Новгородѣ въ это время происходила горячая борьба между сторонниками и противниками Марѳы и ея партіи. Одни кричали, что нужно идти съ повинной къ князю Ивану; другіе, что нужно выслать навстрѣчу ему сильное войско. Послѣднее мнѣніе взяло верхъ, и 40,000 новгородцевъ выступило противъ московскаго войска. Враги встрѣтились на рѣкѣ Шелони. Произошла битва, и новгородцы потерпѣли страшное пораженіе, несмотря на то, что въ нѣсколько разъ превосходили числомъ непріятеля. Сынъ Марѳы, посадникъ Дмитрій и много другихъ бояръ попали въ плѣнъ. Дмитрій и трое бояръ были казнены: другіе посажены въ тюрьму и посланы въ ссылку. Пораженіе на Шелони было слѣдствіемъ измѣны; въ битву шли неохотно, и бѣжали при первой же возможности. На этотъ разъ Новгородъ отдѣлался только огромнымъ выкупомъ; Иванъ III оставилъ въ неприкосновенности прежнее его устройство. Только Заволочье частью отошло къ владѣніямъ Москвы (1472 г.).

Черезъ нѣсколько лѣтъ отношенія Москвы съ Новгородомъ опять испортились, и Иванъ III рѣшилъ, что пора совсѣмъ покончить съ Новгородомъ. Въ 1476 г.

съ сильной ратью направился онъ въ Новгородъ. О сопротивленіи и думать было нечего. Безъ всякой борьбы князь вошелъ въ Новгородъ, схватилъ своихъ противниковъ и отослалъ ихъ въ Москву; девять недѣль пробылъ онъ въ городѣ, управляя дѣлами. На слѣдующій годъ самъ посадникъ поѣхалъ въ Москву держать отчетъ въ дѣлахъ новгородскихъ передъ великимъ княземъ, а жалобщики то и дѣло осаждали его.

Наконецъ, Иванъ III потребовалъ, чтобы новгородцы признали его своимъ полновластнымъ государемъ; епископъ Ѳеофилъ и другіе приверженцы Москвы уговаривали всѣхъ не противиться князю, подчиниться ему, но большинство и слушать не хотѣло. Вспомнили старинныя вольности, крикъ и шумъ поднялся на вѣчѣ, много сторонниковъ Москвы пали здѣсь жертвою народной ярости. Ивану дали такой отвѣтъ: хотимъ жить по старинѣ, пусть намѣстники твои судятъ насъ, но государемъ тебя называть не хотимъ. Въ 1478 г. Иванъ III съ огромнымъ войскомъ, въ союзѣ съ тверскимъ княземъ, псковичами и татарами двинулся къ Новгороду. Долго, медленно подвигалась эта рать впередъ. Епископъ Ѳеофилъ и посадники то и дѣло выѣзжали на встрѣчу московскому князю, уговаривая его не быть строгимъ къ «своей отчинѣ». Но переговоры не привели ни къ чему. Въ ноябрѣ войска Ивана окружили Новгородъ со всѣхъ сторонъ. Два мѣсяца стоялъ такъ Иванъ, не рѣшаясь на приступъ и все еще надѣясь, что новгородцы и безъ боя принесутъ ему повинную. Десять разъ послы новгородскіе ѣздили къ Ивану, предлагая ему всяческія уступки, но только не признаніе его полновластнымъ государемъ новгородской земли. Но Иванъ настаивалъ на своемъ: «Вѣчевому колоколу не быть, посадникамъ не быть; вся земля новгородская наша; Новгородомъ, всѣми городами и селами мы

владѣемъ, какъ Москвою». Новгородцы, наконецъ, поняли, что сопротивленіе напрасно и согласились на всѣ условія великаго князя Москвы. Въ декабрѣ уничтожено было вѣче, а въ январѣ слѣдующаго года князь увезъ съ собой въ Москву вѣчевой колоколъ. Марфу Борецкую съ внукомъ и нѣкоторыхъ бояръ онъ также отправилъ въ Москву. Такъ пала новгородская вольность.

Но новгородцы не могли такъ скоро разстаться съ своей «стариной». «Плакали сильно новгородцы по своей волѣ—пишетъ лѣтописецъ,—но не смѣли сказать ничего». Самъ епископъ Ѳеофилъ отпалъ отъ Москвы и сталъ въ ряды ея противниковъ. Начались опять тайныя сношенія съ Литвой. Но Иванъ круто расправился съ заговорщиками. Много бояръ было казнено, имѣнія ихъ разграблены, земли отобраны.

Въ 1485 г. было вывезено изъ Новгорода въ Москву болѣе 7000 житьихъ людей. Черезъ два года 50 купеческихъ семей высланы во Владиміръ. Еще черезъ два года—въ 1489 г. — болѣе тысячи боярскихъ семей и житьихъ людей отправлены были на жительство въ разные города. Въ Москву было перевезено, по свидѣтельству иностранцевъ, множество всякихъ богатствъ: болѣе 300 повозокъ, нагруженныхъ золотомъ, серебромъ и другими драгоцѣнностями переправилъ Иванъ III изъ Новгорода въ Москву, какъ свою добычу.

Все это отразилось на торговлѣ,—она стала все уменьшаться и уменьшаться. Въ 1495 г. ей былъ нанесенъ послѣдній и непоправимый ударъ. По приказу московскаго князя былъ закрытъ нѣмецкій дворъ, арестовано 43 нѣмецкихъ купца и захвачено на 50000 рублей серебра.

Вслѣдъ за Новгородомъ палъ и другой вольный городъ Псковъ. Это случилось въ 1510 г., при преемникѣ Ивана III, Василіи III.

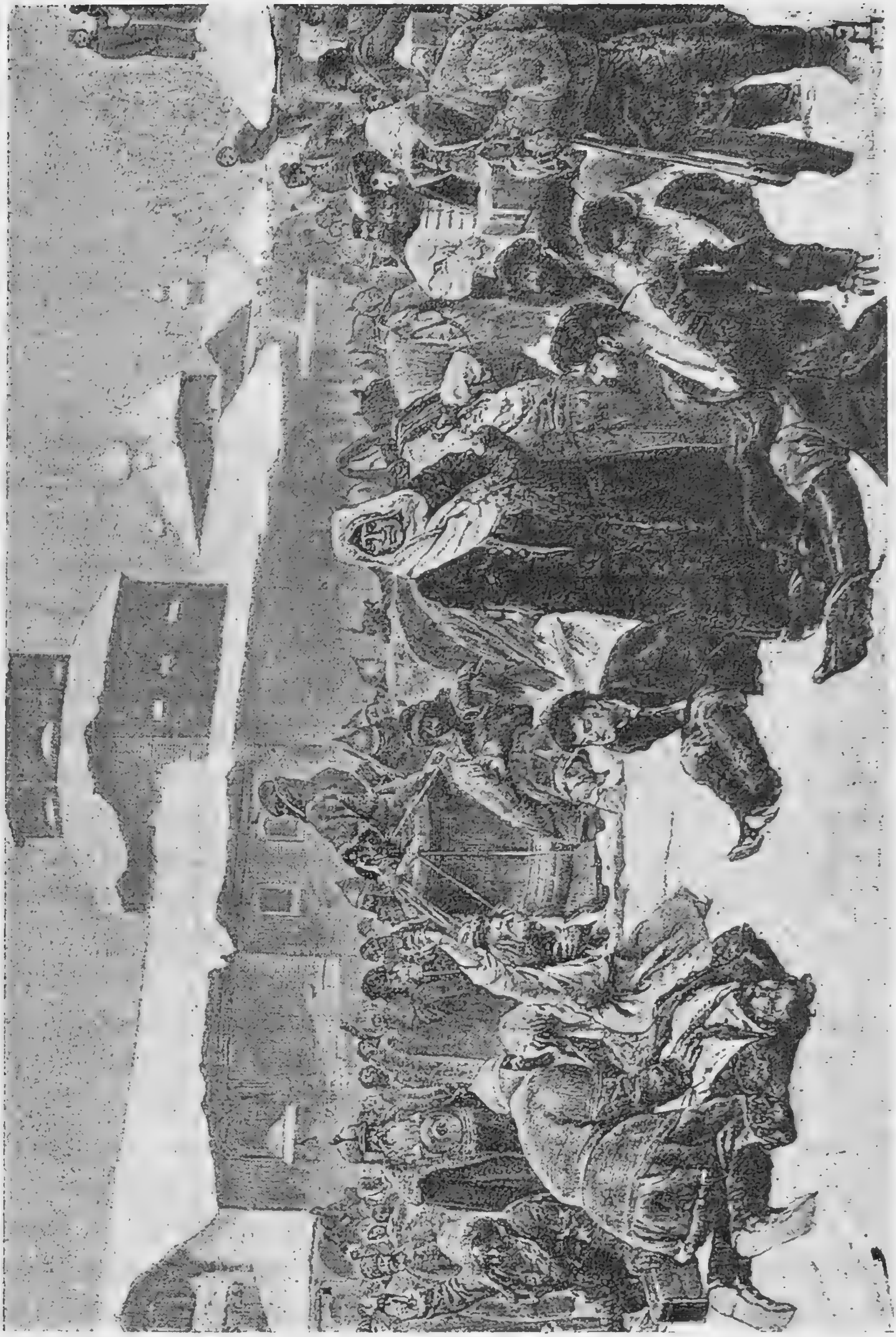


Рис. 14. Уничтоженіе Новгородскаго вѣча.

Замолкли навсегда вѣчевые колокола, и вольныя земли стали московскими волостями. Въ нихъ водворились Московскіе порядки. Но простой людъ ничего не выигралъ отъ того, что пала вольная старина.

VI.

Новгородскія ереси.

Новгородскій архіепископъ Геннадій, управлявшій Новгородской епархіей во второй половинѣ 15 в., былъ не очень высокаго мнѣнія о новгородскихъ священникахъ. «Приведутъ ко мнѣ мужика (для посвященія въ попы или діаконы)—говоритъ онъ,—«я ему велю Апостола дать читать, а онъ ступить не умѣетъ; велю псалтырь дать,—и по тому еле бредетъ... Я велю хоть ектеніямъ его научить, а онъ и къ слову не можетъ пристать: ты говоришь ему одно, а онъ совсѣмъ другое. Велишь начинать съ азбуки, а онъ, поучившись немного, просится прочь, не хочетъ учиться... А если отказаться посвящать, мнѣ же жалуются, такова земля, господине,—не можемъ найти, кто бы гораздъ былъ грамотѣ». Огромное множество священниковъ было, такимъ образомъ, либо полуграмотно, либо и совсѣмъ неграмотно. Новгородъ, однако, не составлялъ исключенія: такъ было и во всей Руси. Но за то Новгородъ составилъ исключеніе въ другомъ отношеніи: здѣсь впервые на Руси зародилась церковная ересь.

Русь приняла христіанство въ 10 в.; въ 12 в. язычество почти совсѣмъ исчезло среди русскихъ. Но люди безъ различія положенія и состоянія—богатые и бѣдные, князья и смерды, бояре и купцы—усвоили *не духъ*, а

внѣшность христіанства, его обрядность. Были увѣрены, что посты и молитвы, поклоны и хожденія въ церковь, молебны и обѣдни сами по себѣ даютъ спасеніе человѣку, усердно ихъ исполняющему. О полномъ душевномъ перерожденіи, о новой жизни въ духѣ Евангелія при этомъ не думали. Въ то же время въ церковномъ управленіи укоренилось взяточничество и произволъ. Сильный князь самовольно смѣщалъ однихъ и назначалъ другихъ епископовъ; архіереи за взятку часто награждали саномъ священника и діакона людей недостойныхъ.

Темные, невѣжественные люди не замѣчали всего того зла, которое укоренилось въ области вѣры и церкви. Но какъ только мысль пробудилась отъ сна, какъ только она освободилась хоть немного отъ оковъ привычки, это зло не могло уже укрыться отъ нея. Въ Новгородѣ шла болѣе бойкая жизнь, чѣмъ въ остальной Руси; сюда пріѣзжали иностранцы, сами новгородцы ѣздили иногда въ чужіе края; здѣсь происходила оживленная партійная борьба, и голова новгородца работала живѣе и быстрѣе, чѣмъ голова москвича или нижегородца. Поэтому-то именно въ Новгородѣ впервые и зародились новыя мысли, и отсюда уже они проникли въ остальную Русь.

Но почему новыя мысли зародились въ области вѣры, а не знанія? По той простой причинѣ, что все образованіе того времени было пропитано церковнымъ духомъ и всѣ знанія старались согласовать со св. Писаніемъ. Но эти новыя мысли были такъ далеки отъ старыхъ, привычныхъ, принятыхъ церковью, что церковь объявила ихъ ересью, а людей, ихъ проповѣдывавшихъ, еретиками.

Впервые ересь появилась въ Псковѣ, гдѣ жизнь, какъ указано было, протекала по образцу новгородской, это была ересь стригольниковъ. Стригольникомъ въ древней Руси

звали цирульника или парикмахера, а такъ какъ основателемъ ереси считаютъ цирульника Карпа изъ Пскова, то она и получила отъ него свое наименованіе. Но, разумѣется, по существу эта ересь ничего общаго не имѣетъ съ ремесломъ цирульника.

Къ сожалѣнію, объ ученіи стригольниковъ извѣстно далеко не все, что надо было бы знать. Извѣстно, что стригольники строго осуждали мздолюбіе и стяжаніе, укоренившіяся въ православной церкви того времени. Попы—говорили они—«пьяницы суть, ядятъ и пьютъ съ пьяницами, и взимаютъ отъ нихъ злато и серебро и порты, съ живыхъ и мертвыхъ». Но пока дѣло ограничивалось подобными обличеніями, тутъ еще не было никакой ереси: наиболѣе просвѣщенные и вѣрующіе пастыри церкви тоже боролись съ ея пороками. Стригольники не ограничивались, однако, обличеніемъ пороковъ; они отрицали многія церковныя установленія. Они не признавали храмовъ: «молитися Христосъ втайнѣ повелѣлъ, всякаго тщеславія и высокоумія убѣжати, не молитися на распутіяхъ и на ширинахъ градныхъ»; они не признавали многихъ таинствъ (напр., причащенія и покаянія), не поклонялись иконамъ, не воздавали мертвымъ принятыхъ почестей, отрицали монашество. Именно въ отрицаніи всѣхъ этихъ установленій церкви и заключалась ересь.

Карпъ началъ проповѣдывать свое ученіе въ Псковѣ. Неизвѣстно, какъ успѣшно шла его проповѣдь, извѣстно только, что онъ съ двумя учениками своими былъ изгнанъ оттуда и переселился въ Новгородъ. Здѣсь, по постановленію владыки, проповѣдниковъ жестоко избили и сбросили съ моста въ Волховъ (1375 г.). Но эта жестокая расправа съ новаторами не уничтожила ереси. Она стала быстро распространяться среди новгородскаго населенія. Какъ разъ въ это время въ Москвѣ происходила соблаз-

нительная для вѣрующихъ борьба за митрополичій столъ. Старый митрополитъ умеръ и константинопольскій патріархъ назначилъ въ Москву митрополитомъ нѣкоего Кипріана. Но Дмитрій Донской, княжившій въ то время въ Москвѣ, прогналъ Кипріана и потребовалъ отъ патріарха, чтобы онъ назначилъ митрополитомъ княжескаго любимца Митяя. По дорогѣ въ Царьградъ Митяй умеръ; деньгами и документами воспользовался его спутникъ, архимандритъ Пименъ, котораго патріархъ и благословилъ на митрополичій столъ. Но Дмитрій Донской не пустилъ въ Москву Пимена, и призвалъ Кипріана, но затѣмъ передумалъ, опять прогналъ Кипріана и пригласилъ Пимена. Епископъ новгородскій внимательно слѣдилъ за этой борьбой, а тѣмъ временемъ ересь все шире и шире разливалась въ народѣ. Борьба за митрополичій столъ очень облегчала стригольникамъ обличеніе господствующей церкви и распространеніе ихъ ученія. Наконецъ, когда борьба стихла, обратили вниманіе и на ересь. Два раза константинопольскій патріархъ присылалъ новгородцамъ грамоты съ обличеніемъ еретиковъ и съ требованіемъ бороться съ ними. Затѣмъ за дѣло взялся московскій митрополитъ Фотій, и тогда началась рѣшительная борьба съ стригольниками. Нравы того времени были таковы, что къ слову убѣжденія прибѣгали рѣдко и неохотно. Гораздо вѣрнѣе казалось не переубѣдить, а искоренить еретиковъ, и вотъ начались казни, изгнанія, заточенія въ тюрьмы, и ересь заглохла около 1428 года совсѣмъ.

Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, и въ Новгородѣ возникла другая ересь. Основателемъ ея считаютъ еврея Схарію. Схарія прибылъ въ Новгородъ въ 1471 г. вмѣстѣ съ приглашеннымъ туда литовскимъ князькомъ, изъза котораго возгорѣлась война съ московскимъ великимъ княземъ Иваномъ III. Схарія былъ очень образованнымъ

по тому времени человѣкомъ. Онъ зналъ не только св. писаніе, но и многія не церковныя книги, почти совсѣмъ неизвѣстныя тогда на Руси. Онъ былъ по происхожденію еврей, но не признавалъ іудейской вѣры, не признавалъ и христіанской, на все имѣлъ свой собственный взглядъ. Въ Новгородѣ оказалось много любознательныхъ людей, которые съ удовольствіемъ встрѣчались съ Схаріей и бесѣдовали съ нимъ о вѣрѣ и другихъ вещахъ. Среди этихъ людей были священники и бояре. Бесѣды о вѣрѣ зародили сомнѣніе въ правильности православія, а сомнѣнія въ свою очередь породили новыя мысли о Богѣ и церкви. Такъ возникла ересь, которую ея противники назвали *жидовской*, а еретиковъ *жидовствующими*.

Здѣсь, какъ и въ стригольнической ереси, названіе совсѣмъ не соотвѣтствуетъ сути дѣла. Какъ называли себя еретики сами, неизвѣстно. Неизвѣстно и многое въ ихъ ученіи. Но извѣстно, что жидовствующіе учили, что Богъ одинъ, но не въ трехъ лицахъ; что Духъ Святой— просто слово Божіе, исходящее изъ его устъ и разливающееся по воздуху; что Сынъ Божій, Христосъ, простой человѣкъ, не Богъ, а пророкъ. Подобно стригольникамъ, они отрицали храмы, иконы, мощи, посты, монашество. Нѣкоторые изъ нихъ признавали только Евангеліе и говорили, что надо слѣдовать въ жизни примѣру Христа, другіе признавали только Ветхій завѣтъ.

Большинство наиболѣе образованныхъ людей въ Новгородѣ восприняло это ученіе. Замѣчательно, что ересь привилась главнымъ образомъ среди приверженцевъ Москвы. И, можетъ быть, именно потому Иванъ III такъ благосклонно относился къ еретикамъ. Въ 1479 г. онъ перевелъ многихъ изъ нихъ въ Москву. Друзья Схаріи, священники Алексѣй и Денисъ, заняли въ Москвѣ мѣста протопоповъ Успенскаго и Архангельскаго собо-

ровъ. Ересь быстро привилась въ Москвѣ, проникнувъ даже во дворецъ великаго князя. Много священниковъ и княжескихъ сановниковъ, всѣ наиболѣе образованные люди, обратились въ ересь. Еретики настолько усилились, что даже митрополитомъ сдѣлали одного изъ близкихъ къ себѣ лицъ, архимандрита Зосиму. Такое усиленіе ереси не могло не обратить на себя вниманія, и въ 1488 г. новгородскій владыка Геннадій, поближе ознакомившись съ ученіемъ еретиковъ, ужаснулся той опасности, которую она представляла для церкви, и разослалъ всѣмъ епископамъ и митрополиту посланіе о ереси. Въ посланіи говорилось, что еретиковъ надо жечь и вѣшать, а въ разговоры съ ними не вступать: одинъ соблазнъ, а толку никакого. Геннадій понималъ, что образованный еретикъ быстро собьетъ съ толку невѣжественнаго православнаго священника, потому-то и призывалъ къ казнямъ. Ему удалось добиться созванія въ 1490 г. собора, на которомъ одинъ протоіерей, два священника, два дьякона, два дьяка и одинъ мірянинъ были преданы анаѳемѣ и осуждены на заточеніе. Геннадій велѣлъ надѣть на осужденныхъ вывороченныя на изнанку одежды, посадить на лошадей лицомъ къ хвосту и въ такомъ видѣ провезти ихъ по улицамъ Новгорода. Встрѣчнымъ приказывали плевать на нихъ и говорить: «вотъ враги Божіи и хулители Христовой вѣры». Но эта расправа не коснулась главныхъ еретиковъ, которые оставались неприкосновенными, такъ какъ близко стояли къ великому князю. Геннадій однако не удовольствовался этой частичной побѣдой. Онъ призвалъ къ себѣ на помощь Іосифа, игумена Волоколамскаго монастыря. Іосифъ былъ стойкимъ и ловкимъ защитникомъ православія и пользовался громкой славой;—онъ написалъ рѣзкое обличеніе ереси и призывалъ придти на помощь православію, которому

угрожаетъ опасность. Совмѣстными усиліями этихъ двухъ лицъ митрополитъ Зосима былъ удаленъ (1494 г.), а въ 1504 г. созванъ вторично церковный соборъ, который осудилъ ересь жидовствующихъ. Главные еретики, которые и безъ того потеряли опору при дворѣ великаго князя, были схвачены и преданы сожженію. Менѣе важныхъ еретиковъ заточили въ монастыри. Такъ печально окончила свое существованіе и эта ересь.

Народная масса однако была глуха къ еретической проповѣди. Въ ересь впадали только тѣ, которыхъ хоть немного коснулось образованіе, у которыхъ зашевелилась самостоятельная мысль и которые не находили отвѣтовъ на свои запросы въ вѣрѣ своихъ отцовъ и своихъ ближнихъ. Такихъ людей было немного, поэтому висѣлица, костеръ и тюрьма живо отправили на тотъ свѣтъ вмѣстѣ съ вольнодумцами и ихъ вольныя мысли.

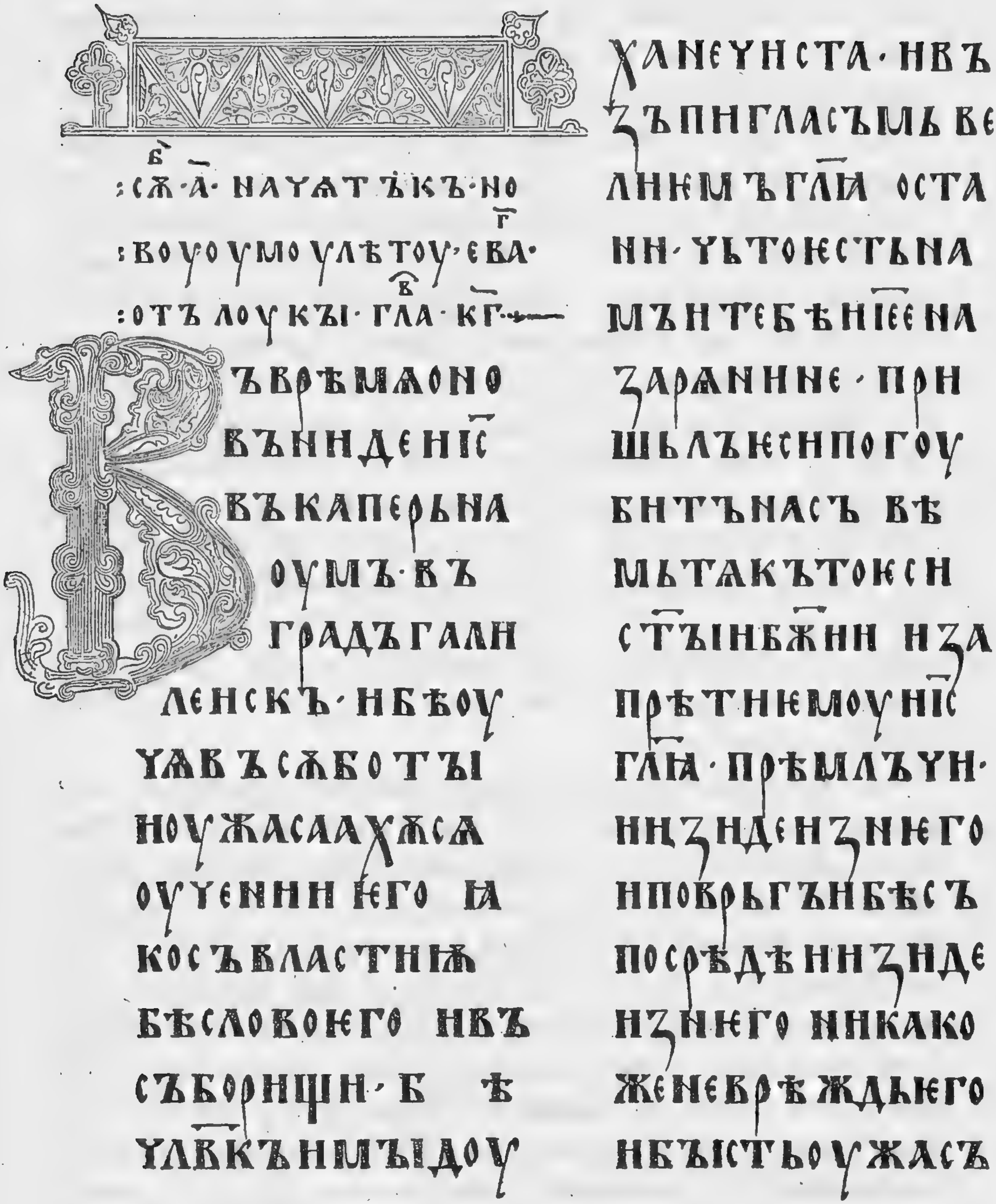
VII.

Сказанія и былины новгородскія.

Не только вопросами вѣры занята была мысль новгородскихъ «умственныхъ» людей. Путешествія въ чужія страны, встрѣчи съ иностранцами, борьба съ инородцами, шумная, крикливая жизнь въ самомъ Новгородѣ— все это давало богатую пищу уму и воображенію, все это побуждало къ художественному творчеству. Не только ереси создалъ Новгородъ,—многочисленныя лѣтописи, посланія, сказанія и были, составленныя въ Новгородѣ, свидѣтельствуютъ о живой, бодрой и разнообразной умственной дѣятельности новгродцевъ. Грамотность издавна была распространена въ Новгородѣ, а также и въ

Псковѣ. Да оно и понятно! Торговыя занятія и сношенія съ иностранцами заставляли новгородцевъ чаще прибѣгать къ письму, чѣмъ жителей другихъ городовъ русскихъ. А вмѣстѣ съ грамотностью распространена была и начитанность. Всѣ тѣ книги, которыя извѣстны были въ то время на Руси, читались усердно и въ Новгородѣ. Начитанность новгородцевъ въ св. писаніи признавалась всѣми. Такъ, въ 1471 г. митрополитъ Филиппъ въ своей грамотѣ новгородцамъ говоритъ, что писалъ бы имъ и пространнѣе отъ священнаго писанія, но знаетъ, что они и сами разумны въ книжной мудрости. Уже въ началѣ 11 вѣка въ Новгородѣ стали составляться лѣтописи. Въ этомъ же вѣкѣ появилось на Руси первое Евангеліе на славянскомъ языкѣ; оно было написано въ Новгородѣ дьякономъ Григоріемъ для посадника Остромира, почему и извѣстно подъ именемъ Остромірова Евангелія (въ 1056—1057 гг.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, у частныхъ лицъ и въ монастыряхъ составлялись цѣлыя библіотеки. Особенно большое собраніе книгъ находилось въ Соловецкомъ монастырѣ.

Среди простого народа, не знавшаго грамоты, особенной любовью пользовались различныя были и сказанія, то распѣваемыя, какъ пѣсни, то разсказываемыя, какъ сказки. Вотъ, напр., былина о Садко, богатомъ купцѣ. Жилъ въ Новгородѣ гость (т. е. купецъ) Садко. Онъ былъ великимъ мастеромъ играть на гусляхъ. Разъ пошелъ онъ къ озеру Ильменю, сѣлъ на берегу и заигралъ. Его игра такъ понравилась водяному царю, что онъ вышелъ изъ озера и сказалъ: «Чѣмъ тебя жаловать за игру твою нѣжную? Бейся объ закладъ съ купцами новгородскими, что выловишь изъ Ильменя три рыбы золотыхъ». Садко такъ и сдѣлалъ; на одномъ пиру онъ заявилъ: «Ай-же вы, купцы новгородскіе! Бьюсь я о вели-



:сѫ·а҃· наѵѧтъкъ·но
:воуоумоулѣтоу·ева·
:отъ лоукы·гла·кг҃·

Въврѣмѧоно
въниде ис҃
въкаперьна
оумъ·въ
градъ галиле
ескъ·ибѣоу
ѵѧвъ сѫботы
иоужасаахѫсѧ
оучении ѥго ꙗ
косъ властиѭ
бѣсловоѥго ивъ
съборищи·б ѣ
ѵлвкъ имъ ідоу

хане ѵиста·ивъ
зъпигласъмь ве
лиѥмъ гл҃ꙗ оста
ни·ѵьтоѥстьна
мъ и тебѣ и҃ее на
зарѧнине·при
шьлъѥси по гоу
битъ насъ вѣ
мьтѧкъ тоѥси
ст҃ыи бж҃ии из а
прѣтиѥмоу ис҃
гл҃ꙗ·прѣмлъѵи·
ии изиде из нѥго
и поврьгъ и бѣсъ
посрѣдѣ ни изиде
из нѥго никако
же не врѣждьѥго
и бъ ість оужасъ

Рис. 15. Остромірово Евангеліе.

кій закладъ, что въ Ильменѣ-озерѣ есть рыба-золотыя перья. Я заложу свою буйную голову, а вы давайте въ залогъ три лавки товару краснаго». И сдѣлалось такъ, какъ обѣщалъ водяной царь. Садко выигралъ закладъ, сталъ шибко торговать и разбогатѣлъ. Двѣнадцать лѣтъ торговалъ онъ, много разъ ѣздилъ по Волгѣ, и вотъ устраиваетъ онъ однажды пиръ на весь честной Новгородъ. И расхвастался на этомъ пиру Садко-купецъ: «На свою безсчетную казну повыкуплю я всѣ товары новгородскіе, худые и добрые». Но ошибся на этотъ разъ Садко: скупилъ всѣ товары, смотритъ, а ужъ на другой день ихъ вдвое больше понавезено; скупилъ и эти товары, а на третій день ихъ втрое больше привезли. «Нѣтъ,—рѣшилъ Садко,—я богатъ, но богаче меня славный Новгородъ». Построилъ онъ тридцать кораблей, нагрузилъ ихъ товарами и поѣхалъ въ синее море. Проdалъ все и съ бочками серебра и золота возвращается домой. Но расходилась на синемъ морѣ сильная буря, волны бѣшено хлещутъ, вѣтеръ паруса рветъ, а корабли ни съ мѣста. Говоритъ Садко своей дружинѣ: «Много мы по морю хаживали, а царю морскому дани еще не плачивали: видно морской царь дани требуетъ». Бросили бочку серебра—не помогаетъ; бросили бочку золота—тоже не помогаетъ. Порѣшили бросить жребій между собой: кому идти въ сине море, морскому царю на добычу. Жребій палъ на Садко-купца. Отписалъ онъ все свое имущество церквамъ Божіимъ, нищей братіи, молодой женѣ, своей дружинѣ и сказалъ: «Дайте-ка гусли; ужъ поиграю въ послѣдній разъ: больше вѣдь мнѣ не игрывать. Али взять гусли съ собой въ сине море?» Спустили на море дубовую доску и сѣлъ на нее Садко, взявъ съ собой гусли, а корабли его прочь поплыли. Погода сразу стихла. Уснулъ Садко, а проснулся уже

на днѣ морскомъ. Видитъ онъ палаты бѣлокаменныя, а въ нихъ пируетъ Водяникъ со своей Водяницей. Увидалъ Водяникъ Садко и говоритъ:

«А и гой еси ты, купецъ, богатый гость!
А что душа радѣла, то далъ мнѣ Богъ,
И ждалъ я Садко двѣнадцать лѣтъ,
А нынѣ Садко головой пришелъ;
Поиграй Садко въ гусли звончаты».

И такъ веееело заигралъ Садко, что и царь, и царица и вся ихъ дворня пустилась въ плясъ. Зашумѣло, заволновалось море отъ той пляски, и вотъ ночью, когда Садко уснулъ, явился къ нему во снѣ старецъ и говоритъ:

Гой еси ты, Садко купецъ, богатый гость!
А рви ты свои струны золоты,
И бросай ты гусли звончаты,
Расплясался у тебя царь морской
А спне море всколебалося,
А и быстры рѣки разливалися,
Топятъ много бусы, корабли,
Топятъ души напрасныя
Того народа православнаго».

Изорвалъ Садко свои струны звончаты, изломалъ и бросилъ ихъ въ море. Переставалъ царь морской скакать и плясать, утихло море синее. Поутру предлагаетъ царь Садкѣ жениться, Садко выбираетъ, по совѣту старца, дѣву-чернаву и просыпается отъ сна на берегу рѣки Волхова, невдалекѣ отъ церкви Николы Можайскаго и видитъ: бѣгутъ его корабли по Волхову прямо къ Новгороду. Выгрузилъ Садко золотую казну, переставалъ больше ѣздить по морю и зажилъ въ Новгородѣ.

Такова былина о Садко, богатомъ купцѣ. Много въ ней вымыслу, но и въ фантазіи отразились особенности новгородской жизни: торговля, дальнія морскія путе-

шествія, иногда опасныя, всегда выгодныя. Ни въ Москвѣ, ни въ Кіевѣ не могла сложиться такая былина.

Буйно жили новгородцы. Вѣчевыя собранія нерѣдко превращались въ кровавыя побоища. Толпы ушкуйниковъ грабили и опустошали чужія области. По малѣйшему поводу возникали драки; улица шла на улицу, кулачная расправа была въ большомъ ходу, и физическая сила пользовалась почетомъ. Такая буйная жизнь хорошо отразилась въ былинѣ о Василіѣ Буслаевичѣ.

Жилъ въ Новгородѣ, разсказывается въ былинѣ, Буслаюшка, жилъ и померъ. Остался у него молодой сынъ Василій Буслаевичъ.

Сталъ Васенька на улицу похаживать,
Не легкія шуточки пошучивать:
За руку возьметъ—рука прочь,
За ногу возьметъ—нога прочь,
А котораго ударитъ по горбу,
Тотъ пойдетъ—самъ сутулится».

Стали говорить жители новгородскіе: «не сдобровать тебѣ, Василій Буслаевичъ; быть тебѣ, за эти твои шутки, въ Волховѣ. Закручинился Василій, и посовѣтовала ему мать:

«Прибирай-ка себѣ дружину хоробрую,
Чтобъ никто ти въ Новѣ-градѣ не обидѣлъ».

Послушался Василій совѣта своей матери, набралъ небольшую, но храбрую дружину.

Завелся у князя новгородскаго почестенъ пиръ
На многихъ князей да бояръ,
На сильныхъ могучихъ богатырей,
А молодца Василія не почествовали.

Обидѣлся Василій Буслаевичъ и рѣшилъ пойти на

пиръ незванымъ. Отговаривала его мать, но не послушался Василій,

А взялъ свою дружину хоробрую
И пошелъ къ князю на почестенъ пиръ,
У воротъ не спрашивалъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Прямо шелъ во гридню столовую.

На пиру ударилъ онъ съ новгородцами объ закладъ, что никто не сможетъ остановить его, когда онъ пойдетъ черезъ волховскій мостъ. Рѣшили, что пробу своей силы сдѣлаетъ Василій на слѣдующее утро, и если не сумѣетъ устоять, то вести его на смертную казнь. Испугалась мать за сына и заперла его въ глубокій погребъ. На утро пришло къ его дому много народу и кричатъ:

«Ступай-ка, Василій, черезъ Волховъ мостъ,
Рушай-ка завѣты великіе!»

Выскочили на этотъ зовъ дружинники Василія и стали бить народъ. Но велика была сила народная, и плохо пришлось бы дружинникамъ, да служанка Буслаевыхъ выпустила Василія изъ погреба. Схватилъ тотъ свою дубину вязовую и бросился на выручку. Добрался до мосту, и нѣтъ отъ него никому проходу. Много народу перебилъ,—погибъ тутъ и братъ его крестовый, и батюшка крестовый, и монастырскій силачъ Старчище-Пилигримище. Видятъ новгородцы, что не справиться имъ съ Василіемъ и просятъ они его матушку унять своего сына. Бѣгомъ побѣжала старушка на Волховъ мостъ, ухватила сзади Василія за плечи и кричитъ: «Укроти свое сердце богатырское, укроти свою силу великую». «Никого бы не послухалъ, а тебя послушать законъ велитъ»—отвѣтилъ Василій и прекратилъ по-

боище. Собралъ потомъ онъ свою дружину и пошелъ съ нею въ Іерусалимъ замаливать свои тяжкіе грѣхи. Гдѣ-то на чужбинѣ и умеръ онъ, ударившись объ «алатырь-камень».

И еще сохранилось до нашихъ дней одно новгородское сказаніе, изъ котораго мы видимъ, что оно могло появиться только въ торговомъ городѣ. Это—повѣсть о новгородскомъ посадникѣ Щилѣ.

Жилъ въ Новгородѣ посадникъ Щилъ. Былъ онъ очень богатъ и давалъ деньги въ ростъ. Такимъ путемъ скопилъ онъ много денегъ и задумалъ построить на нихъ церковь Покрова. Съ благословенія владыки приступилъ онъ къ постройкѣ, но когда все уже было готово и оставалось только освятить новый храмъ, Щилъ признался владыкѣ, что деньги, потраченныя на постройку, нажиты имъ съ процентовъ. Разсердился владыка: «обманулъ ты меня, не далъ бы тебѣ я благословенія на это дѣло; ступай назадъ и вели сдѣлать въ церковной стѣнѣ гробъ, исполни все по обычаю похоронному, лягъ въ гробъ и вели пѣть по себѣ панихиду: быть можетъ, Богъ и проститъ тебя». Заплакалъ Щилъ и сдѣлалъ все, какъ приказалъ архіепископъ. Во время отпѣванія гробъ вдругъ провалился. Владыка велѣлъ въ память этого чуда нарисовать на той стѣнѣ Щила во гробу посреди ада, а церковь запечатать. У Щила былъ сынъ. Сильно горевалъ онъ объ отцѣ и спросилъ архіепископа, что ему дѣлать, чтобы отцу выйти изъ ада. «Молись и постись сорокъ дней,—сказалъ ему владыка—раздавай милостыню и въ сорока церквахъ, не жалѣя денегъ, закажи сорокъ панихидъ». Все было исполнено, какъ сказалъ архіепископъ. Посмотрѣли картину, а тамъ перемѣна: Щилъ по прежнему въ гробу, но головой уже вышелъ изъ ада. Снова отпѣли сорокъ панихидъ: Щилъ

вышелъ изъ ада по поясъ. Послѣ третьяго сорокоуста Щилъ весь вышелъ изъ ада. Такъ усердіемъ сына избавился Щилъ отъ вѣчныхъ мученій въ аду.

Навѣрное, не только эти повѣсти и былины созданы были въ Новгородѣ во дни его вольностей; но мало что сохранилось до нашихъ дней. Да и то, что сохранилось, записано было гораздо позднѣе того времени, когда оно возникло.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

МОГИЗ
Магазин 9
5 р.

5 —
5542/Б 50.